

ПРОТОИЕРЕИ
ВАЛЕНТИН СВЕНЦИЦКИЙ

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

Валентин Павлович Свенцицкий
С. В. Чертков
Собрание сочинений.
Том 2. Письма ко всем.
Обращения к народу 1905-1908

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11828921

*Протоирей В.П. Свенцицкий. Собрание сочинений. Том 2: Даръ; Москва;
ISBN 978-5-485-00262-6*

Аннотация

Во второй том Собрания сочинений вошли ранее не переиздававшиеся богословские, философские, публицистические произведения В. П. Свенцицкого 1905–1908 гг., его критические работы о религии Л. Н. Толстого, творчестве Г. Ибсена и М. Метерлинка, полемика с Н. А. Бердяевым, В. В. Розановым, Е. Н. Трубецким, Д. С. Мережковским и документы Христианского братства борьбы (в комментариях впервые публикуются материалы судебных преследований его участников).

Содержание

К вопросу о церковной реформе	6
О задачах Христианского братства борьбы	19
К епископам Русской Церкви	29
К обществу	49
[К рабочим]	53
Христианское братство борьбы и его программа[2]	54
I	56
II	61
Проект краткой программы Христианского братства борьбы	75
I. Введение	75
II. Часть общая	77
III. Часть специальная	81
А. Программа церковная	81
Б. Программа политическая	85
В. Программа экономическая	87
Открытое обращение верующего к Православной Церкви	89
Речь на суде	94
Что нужно крестьянину?	99
I	100
II	103

III	105
IV	108
Правда о земле	111
Конец ознакомительного фрагмента.	113

**Протоиерей Валентин
Павлович Свенцицкий
Собрание сочинений. Том 2
Письма ко всем
Обращения к народу
1905–1908**

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви № ИС 10–17–1706

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА: *Интернет-портал «Православная книга России»*

www.pravkniga.ru

Составление, подготовка текста, комментарии *С. В. Черткова*

Издание осуществлено при духовной поддержке прот. Леонида Калинина и П. В. Флоренского

© Чертков С. В., составление, послесловие, комментарии

© Издательство «Дарь»

К вопросу о церковной реформе

Вопрос о церковной реформе в настоящее время отступил на задний план перед вопросами более жизненными в глазах большинства, перед вопросами об изменении нашего политического строя, который в современном своём виде не в состоянии удовлетворить неотложных нужд страны.

Такое отношение к церковной реформе объясняется твёрдо установившимся взглядом на Церковь как на организацию, совершенно лишённую всякого жизненного значения, и не только в силу каких-либо временных ненормальностей, в ней заключённых, а по самому её существу. При таком взгляде понятно, какими ничтожными и схоластическими должны казаться разговоры о переустройстве ни для чего ненужного механизма в то время, когда неотложное, насущное, без чего жить нельзя, трещит по всем швам и требует великой созидательной работы.

Земная, видимая Церковь, с каждым столетием всё больше и больше отклоняясь от истинной Церкви Христовой, наконец так заслонила её, что «Церковь» и «синод» стали для многих равнозначащими словами¹. Поэтому вся вина за несправедливые нападки на Церковь как на организацию, принципиально лишённую жизненного значения, лежит на тех, кто довёл Церковь до современного её состояния².

Современная церковь едва ли не подобна трупу³, мёртвые члены которого не реагируют ни на какое раздражение, реагировать на которое они призваны, не откликается ни на какое общественное явление, не знает и не хочет знать, чем живёт и болеет общество. Беспереывно и бурно движется перед нею жизнь, а церковь, выработав в себе определённый взгляд на явления духовной жизни народов, пережитые десятки веков назад в виде ересей, волновавших умы, беспомощная, забитая, сторонится от новых интересов, от новых заблуждений, увлечений и подвигов своих чад, не имея силы осудить их, не решаясь поддержать их и потому предпочитая игнорировать вовсе.

Ненормально расширив свои границы до совпадения их с границами территориальными, не будучи в силах питать своё искусственно увеличенное тело, она умирает медленной смертью, теряет свой дух Христов, становясь министерством церковных дел, где, как и в каждом министерстве, на первом месте стоит канцелярия⁴. Это положение должно было создаться неизбежно, коль скоро церковь стала не свободным союзом верующих людей, объединённых главою Церкви Христом, а принудительным союзом всех лиц, принадлежащих определённому политическому целому.

Лишённая всякой самостоятельности во всём, что касается активного вмешательства в жизнь, оттолкнув от себя всё жизненно религиозное, она стала синонимом общественной и умственной отсталости. Чувствуя своё бессилие и от-

решённость от жизни⁵, она свою отрешённость стала возводить в принцип и тем бесповоротно осудила себя на гибель. «Не дело Церкви заниматься политикой⁶, не дело Церкви заниматься общественными вопросами» – вот чем старается церковь прикрыть своё бессилие, забывая, что дело земной Церкви не только богослужение, но и служение людям: пасти овец своих. Нужно заботиться о личном усовершенствовании⁷, учит церковь, а не о государственном устройстве; дело её уловлять души, а не создавать политические перевороты; но разве политический строй косвенно не играет роли в «личном» усовершенствовании, и разве общественные течения, носителями которых являются отдельные люди, члены Церкви, не подлежат церковному водительству?⁸

Божие – Богови, кесарево – кесареви⁹ – такое распределение функций может быть только до тех пор, покуда «кесареви» абсолютно безразлично с христианской точки зрения, в противном случае, если Церковь не хочет признать себя одним из департаментов политической организации, у неё могут и должны возникать конфликты с политической организацией во всех тех случаях, когда «кесареви» будет посягать на принадлежащее «Богови»¹⁰. Апостол предусмотрел это и велел в тех случаях, когда власть имущие будут требовать противное совести, отвечать: «Аще праведно есть пред Богом вас послушати, паче нежели Бога, судите» (Деян. 4, 19). Вот слова, которые всегда следует помнить, цитируя другие

места Священного Писания: «властям предержавшим да повинуйтесь» (Рим. 13, 1) и «Бога бойтесь, царя чтите» (1 Пет. 2, 17).

Во имя деятельной христианской любви, заботясь о нравственном и духовном развитии своих членов, Церковь должна зорко смотреть за всеми теми внешними условиями, которые так или иначе могут способствовать уклонению в сторону зла. А так как политический и общественный строй является могущественным орудием, которое может быть направлено как на доброе, так и на злое, она должна идти во главе всех тех реформ, которые могут улучшить этот строй, и тем способствовать нравственному росту членов Церкви, которые вместе с тем являются и гражданами государства.

Больше того, Церковь, которой открыты истины, далеко ещё не осуществлённые жизнью, которая знает, на каких основах должны строиться истинная общественность и политический строй, достойный христианского государства, Церковь должна призывать к реформам¹¹, должна с истинным дерзновением обличить весь позор существующего порядка, восстать против безобразного простора для всевозможных злоупотреблений и явиться руководительницей движения, а не тащиться в его последних рядах. Она, чуждая низменных задерживающих мотивов, во имя Христова смело должна идти навстречу грубой силе, пытающейся сковать Церковь и её сынов... Дело Церкви руководить жизнью¹², а потому, если она на высоте своего призвания, она не может относиться

равнодушно к внешним условиям, задерживающим и искажающим внутренний духовный рост.

А между тем Русская Церковь уже давно живёт в полном мире и согласии со светскою властью¹³. В стране совершались великие перемены, и Церковь всякий раз, по странному совпадению единовременно со светскою властью, убеждалась в несостоятельности старого порядка¹⁴. Но если светской власти позволительно было ошибаться и, положим, несколько веков считать «полезным» для нравственного развития народа рабство¹⁵, то Церковь не могла ошибаться таким образом, а зная правду, она обязана была громко возвысить голос в защиту её¹⁶, по примеру древней Церкви.

Церковь неоднократно возвышала свой голос, протестуя и против отдельных распоряжений власти, и против целых учреждений.

В 390 г. в городе Фессалоники население потребовало у главнокомандующего округом Ботерика освобождения любимого всадника, заключённого в тюрьму. Ботерик отказал. Тогда народ поднял мятеж и умертвил его со многими из его солдат и других чиновников. Император Феодосий, хотя был крайне возмущён известием о мятеже, но по просьбе архиепископа Амвросия простил фессалоникийцев. Однако светские сановники, указывая на ужасный характер мятежа, успели добиться от него нового повеления, которое скрывали от Амвросия. Население Фессалоник заманили в цирк на

зрелища и затем подвергли избиению посредством сильного отряда солдат. Не щадили ни возраста, ни пола, ни правых, ни виноватых, и в течение трёх часов было убито 7000 человек. Узнав об этом, архиепископ Амвросий удалился в деревню и оттуда написал императору письмо, в котором говорил, что «пока не будет совершено должное покаяние, ему запрещено будет Богом приносить евхаристическую жертву в присутствии императора».

Однако Феодосий через некоторое время явился в собор. Тогда Амвросий обратился к нему со следующей речью: «Видно, о. Август, что ты не раскаялся в гнусности своего убийства. Твоя императорская власть помрачила твой разум и стала между тобою и сознанием твоего греха. Прими во вниманье тот прах, из которого ты производишь. Не позволяй славе пурпура закрывать тебе глаза от немощности смертного тела, которое покрывает она. Ты погрешил против твоих ближних, а у всех нас один Господь и Царь: какими глазами будешь смотреть ты на Храм его? Какими ногами войдёшь ты во дворы Его? Как можешь ты воздевать в молитве руки, которые ещё обагрены кровью? Или принять в твои руки Тело Господне? Удались».¹

Феодосий смирился и 8 месяцев лишён был причастия.

Другой пример, более близкий к нам, обличение святите-

¹ *Фаррар Ф. В.* Жизнь и труды святых отцов и учителей Церкви. СПб., 1891. С. 558. (Все подстрочные примечания авторские, кроме перевода иноязычных слов. – *Ред.*)

лем Филиппом царя Иоанна Грозного¹⁷.

Известно, что Филипп долго колебался занять кафедру митрополита московского и ставил неизменным условием уничтожение опричнины. Но царь не соглашался, а духовенство убеждало Филиппа не упрямиться, доказывая, что не дело пастыря заниматься «политикой». Филипп поддался уговорам. Но силён был в нём дух Христов, он скоро понял, что протестовать против опричнины есть тоже вмешательство в «политику», которое заповедано Христом, и в соборе публично произнёс Грозному свою знаменитую речь. «О государь! Мы здесь приносим жертвы Богу, а за алтарем льется невинная кровь христианская. Отколе солнце сияет на небе, не видано, не слыхано, чтобы цари благочестивые возмущали собственную державу столь ужасно! В самых неверных, языческих царствах есть закон и правда, есть милосердие к людям – а в России нет их! Достояние и жизнь граждан не имеют защиты. Везде грабежи, везде убийства и совершаются именем царским! Ты высок на троне; но есть Всевышний, Судия наш и твой. Как предстанешь на суд Его, обогранный кровию невинных?»¹⁸

И теперь на обязанности Русской Церкви лежит не меньшая задача, чем на Церкви древней. Не её ли дело вступаться теперь, например, за свободу совести¹⁹. Говорят, это вопрос государственный – нет, это прежде всего вопрос церковный. Церковь не может допустить, чтобы организация, именую-

щаяся государством, силой заставляла вступать в другую организацию верующих, именующуюся церковью.

Во имя истины и справедливости, во имя своего возрождения она должна была бы наконец, по крайней мере, присоединить своё слово к тому, что говорят за неё другие люди, не умудрённые мудростью свыше, так как это стало очевидным даже для простого человеческого сознания²⁰. Да мало ли можно найти сторон жизни, против которых не протестует церковь, хотя это явно идёт вразрез с требованиями совести, где явно требования людей противоречат требованиям Божиим.

Никому, как христианину, не могут быть близки свобода, равенство и справедливость, а потому Церковь должна встать впереди борющихся за эти начала; с кем бы ни велась борьба, будь то лицо, будь то учреждение. Всё, что стесняет свободу человеческого духа, должно встретить грозный отпор со стороны Церкви как незаконное посягательство на принадлежащее Богу; всё, что стремится нарушить абсолютное равенство людей, должно быть признано ею идущим от начала злого, посягающего на не принадлежащую ему Божью область; и против всего, что способствует людской несправедливости, против всего, что наталкивает людей на произвол и развращает их души самовластием, — должна восстать Церковь. Не боясь никаких гонений, испытавшая гонения римских императоров, чуждая всего житейского, в том смысле, что для неё не важны материальные

блага, Церковь должна подавать пример смелой и открытой борьбы против всего, что зиждется не на христианских началах, обличать всё, что для своего беззакония покрывается авторитетом Церкви, она должна явиться проповедницей и проводником в жизнь истинной общественности, основанной на свободе, равенстве и справедливости.

Такою должна быть Церковь. И кто решился бы тогда – независимо от религиозных убеждений – не признать за ней движущей, а не тормозящей силы? Но нужно ли говорить, как далеко действительное положение нашей Церкви от выполнения таких задач. Лучшим доказательством тому служит то, что в христианском государстве мы «по независящим от нас обстоятельствам» в настоящей статье не можем сказать с полной определённости, в какой степени, по нашему разумению, Церковь далека от выполнения возложенных на неё Богом жизненных задач...²¹

По всем признакам в жизни России наступает перелом. Кровавая, неслыханная по своим ужасам война ускоряет внутренний процесс. Поражения на Дальнем Востоке и победы над внутренними врагами заливают страну слезами и кровью. Народ, схваченный за горло и по невежеству не знающий, кто его держит, общество, насильственно погружённое в спячку, забыв свои прежние грехи, поднимаются для дружной освободительной работы: всех честных людей охватывает стремление работать на общую пользу. И нет той силы, которая вновь сковала бы великую страну, нет преграды,

которая остановила бы начавшееся движение... Но тёмные силы не дремлют, и вся русская жизнь в смятении и ужасе готова превратиться в кровавую, неслыханную драму.

В такие минуты Церковь обязана пред Богом и людьми, встав впереди движения, не задерживать его, а направить на должный путь. По примеру апостолов, сумевших в язычестве усмотреть искание Бога, духовенство должно в основе брожений, потрясающих Россию, увидеть Христа, помочь Христовым силам овладеть всею жизнью и для этого, прежде всего, осудить то, что, пытаясь подавить движение, в сущности, лишь придаёт ему такой характер, при котором руководящее значение приобретают слепые силы хаоса.

И если Церковь не делает этого, то потому, что, по слову Писания, «когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил, куда хотел; а когда состаришься, то прострешь руки твои, и другой препояшет тебя и поведёт куда не хочешь» (Ин. 21, 18).

Почти две тысячи лет тому назад, в пустыне, произошло великое событие – искушение Христа дьяволом. Христос отверг искушения, дьявол до времени отошёл от Него, но не оставил дела Его и направил силу свою на Его Церковь. И вся последующая история земной Церкви есть борьба силы злой с духом Христа. То, что было пережито Христом в несколько моментов, превращается в великую историческую драму, и тот, кто властно отвергнут был Христом, мало-помалу завладевает Божьей правдой и до срока творит мерзости. Близ-

ко то время, когда, по слову Евангелия, мерзость и запустение станут на святом месте. Не на внешние формы направлены злые силы, и потому не во внешних признаках нужно искать дух антихриста. Вовне может остаться всё по-прежнему: и храмы, и таинства, и богослужения, и кадила, но внутренняя духовная жизнь церкви будет мертва. И труп имеет лицо, руки и ноги, в застывших чертах можно узнать знакомый и близкий образ, но нет души – и нет «человека». И потому какие горячие молитвы, какие торжественные службы ни совершались бы в рукотворённых храмах, когда жизнью церковной станет распоряжаться полиция²², тогда люди да бегут в горы, ибо, значит, времена близки²³.

Поэтому же никакая канцелярская реформа Церкви немыслима и не нужна. Церковь должна реформироваться Духом Святым, как язычество реформировалось христианством, единственный путь к тому – исповедание.

Пусть всякий воистину любящий Христа открыто протестует против современного состояния Церкви, не дожидаясь, чтобы с ним согласилось большинство, не боясь последствий для личного своего благополучия и не смущаясь мыслью, будет ли из такого заявления какой-нибудь практический результат, или это останется гласом вопиющего в пустыне. Люди, привыкшие «ожидать», любят ссылаться на то, что «один в поле не воин». Не знаю, может быть, где-нибудь и уместна такая точка зрения, заставляющая, прежде чем действовать открыто, удостовериться, что за спиной стоит полк, но

в деле религиозном это недопустимо ни в коем случае. Всякий искренно верующий человек должен поступать по своей совести, твёрдо уверенный, что наилучшее последствие всегда должно наступить после поступка, совершённого согласно воле Божьей, хотя это и не всегда ясно эмпирически для людей. Если бы первые христиане руководствовались вышеприведённой формулой, то христианство никогда не покорило бы мир. В самом деле, что стоило древнему мученику совершить формальность, поклониться гению императора и затем продолжать поклоняться Христу в духе и истине. Стоило ли с точки зрения «один в поле не воин» из-за таких пустяков идти на страшные мучения. Какой соблазн был тогда христианству в мысли, что христиан немного, оставшиеся в живых должны проповедовать, распространять Евангелие, приносить пользу... а тут – измучат, убьют, без смысла, без цели. Что может сделать один человек против грубой физической силы? Но они не рассуждали так; они знали, что это дьявольское искушение, что ничего нет выше и сильнее правды Христовой и как бы ни казались всемогущими противники, как бы ни лилась кровь истинных служителей Христовых, – даже весь мир, основанный на зле, слабее и ничтожнее одного праведника.

Исповедание – не последняя ступень совершенства, а первая необходимая ступень для того, чтобы иметь право называться христианином, ибо всякий кланяющийся идолу или гению императора не достоин Христа²⁴. И теперь, как и в

первые века христианства, в современной форме отрекается от Христа тот, кто открыто не протестует против искажения истинной Церкви. Но в первые века христиан привлекали к языческим идолам и гениям императоров, требуя, под угрозой безобразных мучений, хоть для виду отречения от Христа, и некоторые слабые духом не выдерживали тех ужасов, которые ожидали их, и отрекались. Теперь под страхом лишения некоторого благополучия заблудшаяся церковь требует молчания от всех своих членов, и почти все молчат...

Но в настоящий момент, когда самоотверженное служение охватывает всех честных людей – и верующих, и неверующих, когда церковь, скованная по рукам, беспомощно сторонится от жизни, когда всеми чувствуется, какую великую роль могла бы сыграть она, мы призываем всех любящих Христа и Церковь Его к возрождению.

Пусть воздвигнут гонения, пусть мучат за правду, в гонениях оживут умершие силы Церкви, стряхнёт она путы зверя, порвёт все антихристовы связи, обличит вековые суеверия, которые могут оправдывать лишь враги Христа, – и создаст новую жизнь, христианскую жизнь. Церковь, союз веры и любви²⁵, поведёт по новой дороге к истине, добру и красоте, смело, с пламенным восторгом встретит великий последний час...

Ей, гряди, Господи Иисусе!..²⁶

О задачах Христианского братства борьбы

Христианское братство борьбы ставит целью активное проведение в жизнь начал вселенского христианства. Казалось бы, что тут особенного? Разве не каждый христианин ставит себе те же цели? В чём же особенность Братства? Почему оно считает это преимущественно *своей* задачей?

Дело всё в том, что начала *вселенского* христианства не только не осуществлены, но даже просто не признаны целиком во всём объёме *историческим* христианством. Историческое христианство во всех своих конкретных разветвлениях – от русского православия и римского католицизма до самых крайних сект протестантизма – восприняло и самым действенным образом ввело в сознание отдельных людей *одну* сторону евангельского учения: это учение о том, что «Царствие Божие внутри вас есть»²⁷. Царство Христово есть Царство свободного единения, чистоты и света, и потому всякий хотящий войти в него должен прежде всего очиститься *сам*, должен скинуть с себя ветхого человека и облечься в нового²⁸, должен переродиться, извлечь и спасти свою душу из мира греха и злой жизни. Таким образом, личное перерождение, очищение своего индивидуального сознания и спасение своей души – вот центральная и

единственная идея исторического христианства. Всё остальное: дела любви, устройство своей личной жизни на христианских началах, доброе отношение к другим людям – всё это историческим христианством рассматривается как простое и необходимое следствие из внутреннего перерождения.

Всё это так. Всё это правда от начала до конца; но это далеко не *вся* правда, возвещённая Христом. И кто её выдаёт за всю правду и видит в ней начало, середину и конец и учит так других – тот явно погрешает против слова Божия и лжёт на полноту Христовой истины. Это делает теперешнее христианство²⁹. Оно забыло *другую* сторону евангельского учения, забыло, что Царство Божие – не только факт внутренней жизни, переживаемый отдельным сознанием наедине с собой и с Богом, но и – о чём вещает чуть ли не каждая строчка Нового Завета – факт мировой, вселенский; царство Божие, неприметно войдя внутрь человека, его усилиями должно раскинуться на то, что *вне* его. Своим благодатным строем оно должно победить и преобразить всю злую природную жизнь, во *всех* её проявлениях³⁰, от сферы индивидуального сознания и человеческих отношений до космического зла, царящего в природе. Евангелие должно быть проповедано «всей твари». Христос заповедал апостолам: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» (Мк. 16, 15), ибо «вся тварь» совокупно «стенает и мучится доньше», обещающая «откровения детей Божиих» (Рим. 8, 19–22). Историческое христианство забыло этот завет и, проповедуя, что то-

то и то-то нужно для того, чтоб *вступить* в Царство Божие, совершенно угасило в себе всякие живые представления о том, *что* же такое это Царствие Божие. С этим вместе оно поддалось страшному уклону от Христа и безусловно истинную идею о необходимости для вступления в Царство Божие – прежде всего лично переродиться – исказило в ложную и антихристианскую идею «самоспасания», которая и пользуется самым широким распространением³¹.

А между тем вопрос этот ясен. Сами собой принимают конкретную форму обязанности, вытекающие из этой стороны евангельского учения. Их много, очень много, и все они забыты историческим христианством. Мы будем говорить *только об одном* ряде таких обязанностей, сознание которых и определяет деятельность Братства.

Христос был Богочеловек. Он вочеловечился и принял *плоть*. Искушая её Своею пречистою кровью, Он не отделился от неё, а остался в ней и с ней, потому что связан с ней «нераздельно и неслиянно»³², потому что пришёл не упразднить её, а освятить³³. Преобразивши её на Фаворе и освободивши её от рабства греху Своими страданиями и от рабства смерти Своим воскресением, Он положил начало «обожению плоти» (выражение св. Антония Великого)³⁴, которое закончится «новой землёй, в ней же правда обитает» (2 Пет. 3, 13). Этим Он дал вечный образ поведения и указал путь, по которому должен идти каждый христианин. Каждое от-

дельное лицо, для того чтобы становилось возможным Царство Божие «внутри» него, должно побеждать в себе похоть плоти³⁵ и облекать тело своё во Христа³⁶, приуготовляя его к славе и нетлению³⁷. Но, по основному учению Евангелия, человек не может рассматриваться как самодовлеющий, не связанный с другими атом. Он только один из бесчисленных членов великого и единого целого, собирательного индивидуума Церкви. Эта Церковь, объективное Царство Божие, осуществляясь и водворяясь в душе всего человечества, должна победить похоть плоти уже не отдельного лица, а всего человечества и облечь тело – уже тело не отдельного лица, а тело всего человечества – во Христа и сделать его невестой Христовой³⁸. Эта плоть и тело, не будучи телом и плотью отдельных лиц, является *результатом взаимодействия* последних, основанного на потребностях тела и плоти, а это и есть прежде всего отношения экономические, общественные и государственные. Значит, человечество, становящаяся Церковь, для осуществления в себе Царства Божия должно бороться со своею похотью и побеждать *свою* плоть, т. е. животворить³⁹ и проникать Духом Христовым отношения экономические, общественные и политические, да изобразится и в них Христос⁴⁰ и да будет Бог вся во всём⁴¹. Таким образом, из действительной веры во Христа – вочеловечившегося и пришедшего во плоти – с неизбежной внутренней последовательностью вытекает для каждого христианина обя-

занность принимать самое деятельное участие в общественной и политической жизни страны⁴² и здесь, в той самой области жизни, от которой с отшельническим ужасом отвергалось историческое христианство⁴³, действительно осуществлять вселенскую правду Богочеловечества. Это и является общей задачей Братства.

Конкретные условия настоящего тягостного времени расчленяют эту общую задачу и определяют ближайшие частные задачи, на которые со всей возможной силой и направится деятельность Братства.

1. Первой задачей Братства является борьба с самой ужасной язвой теперешней русской жизни – с самодержавием. Самодержавие на русском народном теле является бесконечно ужасным, злокачественным нарывом, который отравляет и парализует собой все отправления народной жизни⁴⁴. Ни о каких действительных улучшениях, ни о каком оздоровлении общественного организма не может быть речи раньше, чем не вскрыть этот нарыв. И потому борьба с самодержавием выдвигается в число первых по времени задач Братства.

а) С одной стороны, Братство будет обличать перед всем народом, во всех классах общества религиозную неправду самодержавия⁴⁵. Признавать самодержавие, т. е., по определению закона, ничем не ограниченную власть, – является безусловно противоречащим прямым словам Евангелия о невозможности служить двум господам. Ничем не ограни-

ченная власть может принадлежать только Богу, и если её переносят на человека и заставляют признавать как таковую, то тут совершается страшный обман и страшное богохульство. Это богохульство является страшным не только с уединённо-религиозной точки зрения, а ещё более с точки зрения его громадного отрицательного влияния на живую жизнь. Ибо только широко распространённый в народе и в массах городского населения предрассудок о том, что будто самодержавный строй освящается самим христианством, и поддерживает ещё самодержавие, уже давно сгнившее внутри и дискредитированное в глазах всего русского общества.

б) С другой стороны, примыкая к другим партиям, Братство будет бороться с самодержавием как с злой политической и общественной силой и работать на установление в России свободного конституционного режима. О том, как представляет себе последний Братство, будет сказано в особом издании, а тут можно только сказать о самом принципе политической деятельности Братства.

в) Так как ни одна *достигнутая* политическая форма не может быть совершенной, то поэтому Братство ни на одной из них *окончательно* остановиться и успокоиться не может. Во имя безусловного идеала христианских отношений, открывающихся в Царствии Божиим, оно всегда будет взывать к новым, лучшим политическим формам, более совершенным, дающим всё больше и больше простора для проявления *всех сил каждой* отдельной личности; но взывать будет не

общими рассуждениями о безусловном идеале, а выставлением в каждый данный момент конкретной программы новых и новых, требуемых жизнью политических реформ⁴⁶.

2. Второй задачей Братства является борьба с пассивным состоянием теперешней Церкви⁴⁷.

а) В силу причин, о которых будет сказано в другом месте, Церковь, лишась своей самостоятельности и запутавшись в связях с государством, пошла на служение чуждым ей целям⁴⁸. Переставая быть благодатной силой, носящей всегда в себе образ абсолютного идеала, постоянно движущей жизнь вперёд и зовущей всё выше и выше, теперешняя Церковь не только остаётся совсем в стороне от живой жизни, но даже, более того, решительно её тормозит и задерживает. Совершая кощунство, она санкционирует собой и своей поддержкой самодержавный строй⁴⁹ и, рабски унижаясь и явно отступая от Христа, оправдывает и покрывает собой такие неслыханные от времён Грозного злодеяния⁵⁰, как события 9 января⁵¹.

б) Кроме того, под опекой светской власти, воздвигнув себе из духовной цензуры человечески прочную ограду, за которую от жизни доносится только неясный гул, она духовно уснула, успокоившись на воззрениях и формулировках, выработанных десять столетий тому назад; жизнь развивается, временем ставятся новые задачи, мучительно требуется всё новое и новое раскрытие христианства, а Церковь, пре-

бывая в неустанном молчании⁵², пропускает всю совершающуюся жизнь *мимо* себя. Вот освободить Церковь от опеки светской власти, снести все искусственные ограждения и заграждения, за которыми прячется теперешняя Церковь от жизни, пробудить в ней спящие силы, поставить её лицом к лицу, с глазу на глаз с страшно усложнившимися вопросами современности – и будет стараться Братство.

в) Для этого необходима коренная реформа: восстановление истинно-церковной жизни. По учению Нового Завета, Церковь есть живой организм, в котором клир является только одним из членов наряду с другим – мирянами, *из которых каждый облечён достоинством «царственного священства»* (1 Пет. 2, 9)⁵³. Историческая Церковь, проникаясь мирскими стихиями, забывала это и постепенно закрепощала церковный народ и выводила мирян из церковной ограды. И храмы опустели, и жизнь ушла из Церкви. Для возрождения необходимо произвести раскрепощение, необходимо снова ввести мирян в Храм; первой практической мерой является создание *общинной жизни*⁵⁴. Верующие, группируясь около храма, должны снова стать живой единицей. Весь распорядок должен перейти в их руки, и прежде всего они сами должны избирать себе священнослужителя⁵⁵ из тех, кому они верят и кого любят, из своей же среды⁵⁶. Этим уничтожится оторванность клира; развившаяся и усложнившаяся жизнь через мирян будет ставить свои вопросы уже перед

церковным сознанием, и Церковь должна будет *по-христиански* отзываться на все явления жизни. Только так и может произойти раскрытие «правды о земле»⁵⁷, лежащей в самой сущности христианского учения. Поэтому Братство начнёт работу за освобождение церковного народа.

3. Третьей задачей Братства является борьба против социального и имущественного неравенства⁵⁸, от которого живые человеческие души или изнемогают в непосильном физическом труде без проявления бесконечных духовных возможностей, вложенных Богом в каждую душу, или же просто гибнут от нищеты, голода и разврата. В основе этих явлений лежит безнравственное отношение к собственности. Эти отношения должны быть радикально изменены.

а) В сфере индивидуально-личной жизни для каждого христианина необходимо полное высвобождение от уз частной собственности⁵⁹. Рост в красоту⁶⁰ каждой отдельной личности, т. е. реализация внутреннего человека⁶¹, возможен только в атмосфере абсолютной внутренней свободы. Для этой свободы нужно расстаться со всем, что *связывает*, – между прочим, отречься от частной собственности. *Нормой* должно быть то состояние апостольской Церкви, когда «никто ничего из имения своего не называл своим» (Деян. 4, 32)⁶².

б) В сфере общинной жизни, т. е. в отношениях между собой верующих и принадлежащих к Церкви, это внутрен-

нее освобождение в силу принципа любви должно принять форму фактического отрешения от частной собственности и установления *общения* имуществ. И тут нормой должно быть состояние апостольской Церкви, когда «все верующие были вместе и имели всё *общее*» (Деян. 2, 44).

в) Но эти принципы вполне разрешают социальный вопрос *только* для тех, кто действительно находится в Церкви и для кого евангельские заветы имеют *обязательную* силу. Поэтому в отношении тех, кто, не принадлежа к Церкви или служа мамоне больше, чем Богу, не хотят отказаться от частной собственности и, паразитически пользуясь ненормальностями капиталистического строя, безбожно эксплуатируют массы трудового люда и давят неимущих, – Братство не удовлетворится одной пропагандой. Во имя оздоровления *тела* человечества и приуготовления его стать «женой, облечённой в солнце» (Отк. 12, 1), Братство вместе с существующими рабочими партиями будет фактически обуздывать социальную и экономическую похоть, пользуясь уже испытанными и выработанными формами борьбы⁶³: стачками, забастовками и устройством союзов. Принимая эти старые средства (и *только* эти), Братство наполнит их новым содержанием и духом – духом грядущего в славе и силе Христа, и серую борьбу за экономические интересы превратит в теургическое делание и религиозный долг.

К епископам Русской Церкви

Теперь заговорили о церковной реформе. Надеются на созыв Поместного Собора⁶⁴. Газеты говорят об этом как о вопросе решённом. У всех верующих начинает подыматься радостная уверенность, что близится час освобождения Русской Церкви от векового гнёта, час наступления истинно церковной жизни, которой у нас не было, к позору нашему, целые столетия. Мы глубоко чувствуем всю ответственность и важность предстоящего устройства русской церковной жизни на канонических основаниях⁶⁵ и потому думаем, что удачно реформа может быть проведена лишь в том случае, если она будет действительно отвечать на назревшие нужды и запросы, для этого необходимо, чтобы последние обозначились и стали для всех ясными. Нужды и запросы духовенства ещё более или менее известны, но нужды и запросы мирян неизвестны почти совсем, потому что до сих пор в церковном бесправии своём миряне в церковной жизни не имеют никакого голоса. О запросах мирян, об их главных ожиданиях от Собора мы и хотим сказать в этом послании. Мы просим внимательно выслушать нас и посмотреть только на существо дела.

1. Прежде всего, мы просим освободить нашу религиозную совесть от страшного соблазна. В чём этот соблазн, вид-

но из нижеследующего.

По определению закона, самодержавная власть неограниченна. «Император Всероссийский есть Монарх самодержавный и *неограниченный*»⁶⁶. Это – выражение закона, и значит, смысл его обязателен для всякого подданного Российской империи. И значит, когда в самые торжественные минуты богослужения нас приглашают молиться за самодержавного царя, мы должны молиться за него как за *неограниченного* монарха. А между тем мы не только не можем молиться за неограниченного монарха, но решительно не можем просто его признавать, ибо такое признание есть явное *отступничество от Христа и продажа своей христианской свободы*. Почему – это видно из дальнейшего. Признавать по совести царя своим неограниченным государём – это значит признавать, что он может делать с признающим так *всё, что захочет*²¹⁸ (ибо власть его неограниченна), может приказывать ему *всё, что хочет*, и он должен повиноваться *всякому* приказанию, каково бы оно ни было, согласно обещанию, ибо обещание дано было по совести. Значит, если царь прикажет поклониться идолу или совершить богохульство, то и тут признающий царя своим неограниченным государём должен будет повиноваться согласно обещанию. Вот яркая иллюстрация: дословный разговор с офицерами после событий 9-го января.

– И вы могли стрелять, зная, что рабочие ни в чём не виноваты?

– Мы не могли не стрелять, потому что дали присягу исполнять всякое приказание государя.

– Всякое?

– Да.

– И если бы царь приказал расстрелять какого-нибудь святого, положим Серафима Саровского (ведь приказал же самодержавный царь Иоанн Грозный задушить святого митрополита Филиппа), и вы бы заведомо знали, что это – святой, вы бы всё же расстреляли?

– Да, расстреляли бы. Мы не можем не повиноваться.

– И даже если бы случилось так, что между нами появился Христос, и государь приказал бы вам Его расстрелять, и вы бы знали, что это Христос, что бы вы сделали?

Офицеры смутились, подумали немного, но потом один за другим ответили:

– Да, стреляли бы: мы обещали государю, мы уж несвободны.

«Мы уж несвободны»... В этом всё и дело. Ибо признание царя самодержавным равносильно утрате всякой свободы. Признавший царя своим неограниченным государём тем самым окончательно теряет способность служить Христу, ибо такое признание заключает в себе *потенциальное* утверждение, что в случае возникновения дилеммы – *царь* или *Христос* – нужно стоять за царя, а не за Христа. Признавший царя неограниченным государём навсегда и окончательно выбирает себе господина; но, выбрав в действительности од-

ного господина, он уже теряет свободу и возможность служить всякому другому, т. е. не может служить и Христу. Ибо сказано Христом: «Никто не может служить двум господам» (Мф. 6, 24).

Таким образом, каждый акт согласия на признание неограниченной царской власти равносителен утверждению в далёких логических следствиях отпадения от Христа, т. е. признание самодержавия есть *скрытое* (а для тех, кто сознаёт это, и *явное*) *отступление от Христа*; и значит, с христианством такое признание абсолютно несоединимо и религиозною совестью неприемлемо.

На это могут сказать, что самая дилемма – царь или Христос – невозможна, ибо царь, по вере церковной и народной, является помазанником Божиим и исполнителем не своей воли, а воли Самого Бога. Но те, кто так утверждают, пусть зададут себе по совести такой вопрос: тем, что царь – помазанник Божий, отнимается ли у него возможность и отпасть от Христа? Если не отнимается, тогда сказанное выше сохраняет всю свою силу. Если же отнимается, если признаётся, что царь не только благочестив, но и выше возможности погрешить, т. е. выше всякого греха, тогда получается уже нечто совсем неподобающее. Вся условность человеческого существа снимается с царя, он становится безусловным – абсолют, человекобогом, богом. Остаётся воздвигать ему алтари и кадить фимиамом, воздавая божеские почести, как это делали в древнем языческом Риме. А в Писании сказа-

но: «Да не будут тебе бози инии, разве Мене» (Исх. 20, 3). Наша Церковь считает за ересь папизм, но тут больше папизма, тут языческий необузданный цезарепапизм⁶⁷, открытое поклонение «гению» императора, забвение святой крови всех мучеников первых времён христианства, и больше того: тут уже совершается поклонение ещё не пришедшему Зверю, ибо в самом *принципе* самодержавия лежит возможность *Антихриста*. Это понято народным религиозным сознанием. Изучающие раскол знают, как много места в нём занимает ужас пред антихристианским наклоном самодержавной власти⁶⁸.

Сказанного было бы довольно. Но некоторые свою явно антихристианскую приверженность к самодержавию⁶⁹ хотя бы оправдать мнимо-доказательными ссылками на произвольно выхваченные отдельные места из Святого Писания. Взявшись нечистыми руками, можно и снег замарать и создать иллюзию, что снег действительно грязен. Поэтому нужно разобрать «библейские» основания культа самодержавной власти. Часто приводят слова ап. Петра: «Будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро» (1 Пет. 2, 13–14). Из этого заключают: раз ап. Пётр заповедует покорность всякому человеческому начальству, то, значит, и покорность самодержавному царю. Сколь-

ко лжи и отступничества в таком формально правильном заключении, видно из следующего.

Когда тому же самому ап. Петру начальники, старейшины, книжники, первосвященники и «прочие из рода первосвященнического» приказали «не учить об имени Иисуса» – что сделал ап. Пётр? Повиновался ли во исполнение своих же слов: «Будьте покорны всякому человеческому начальству»? Конечно, нет. Вместе с ап. Иоанном, «столпом Церкви»⁷⁰, он сказал: «Судите, справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога», и отказался повиноваться (Деян. 4, 5–20). В другой раз на второе запрещение Пётр вместе с другими апостолами (значит, это голос всех апостолов) сказал ещё яснее и резче: «Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» (Деян. 5, 29).

Значит, ап. Пётр учит нас повиноваться человеческому начальству не всегда и не безусловно, а *только* тогда, когда приказания этого начальства не противоречат нашей совести, и больше того – своею жизнью ап. Пётр учит нас быть непокорными и открыто не повиноваться человеческому начальству, когда оно запрещает делать то, что мы считаем нашим религиозным долгом⁷¹. И значит, у ап. Петра мы можем найти не защиту самодержавия, а совершенно ясный завет открыто заявить и исповедать религиозную неправду самодержавия и отказаться его признавать.

Но если словами ап. Петра злоупотреблять невозможно ввиду ясных других его слов, то, быть может, хоть с видимо-

стью правдоподобия можно недобросовестно использовать следующие слова ап. Павла: «Всяка душа властем предержащим да повинуется: несть бо власть, аще не от Бога» (Рим. 13, 1–2). К счастью, и этого сделать нельзя ввиду одного несомненного и бесспорного факта: как признаёт Церковь, ап. Павел, говоря словами мужа апостольского Климента Римского, «мученически засвидетельствовал истину перед правителями» (1 Посл. к Кор. Гл. 5), т. е. вместе с другими мучениками погиб за то, что отказался воздать императорской власти божеское поклонение. Этот факт прежде всего значит, что тот же самый апостол, который говорил: «несть бо власть, аще не от Бога», не только не считал возможным исполнять всякое приказание этой, по его же словам, Богом установленной власти, но даже открыто не повиновался ей и не слушал известных её приказаний, за что и поплатился мученичеством. Этим ап. Павел учит, что из того, что власть установлена Богом, вовсе нельзя заключать, что она не имеет пределов, является *неограниченной* и может приказывать всё что угодно. Фактом своего мученичества апостол указывает, что императорскую власть в качестве *неограниченной*, т. е. посягающей на то, что ей не принадлежит, он не признавал. А если мы скажем, что в этом непризнании, т. е. в мученичестве, он, Богом вдохновенный святой апостол, поступал не по случайным соображениям, а действовал, как он считал *должным* действовать, то, значит, в его непризнании неограниченной императорской власти лежит прямой завет

всем верующим – так же, как и он, её не признавать и открыто заявлять о своём непризнании. Если же мы вспомним, что в этом непризнании ап. Павел был не одинок, а с ним вместе не признавали целые тысячи святых мучеников и запечатлели своё непризнание мученической кровью, то получится, что вся эта святая кровь ставит нам тот же завет, что и святые апостолы:

Во имя Христа отказаться от признания нашей теперешней неограниченной царской власти – самодержавия.

После этих разъяснений, за неимением места, мы не будем останавливаться на других «библейских» основаниях языческого культа самодержавной власти и переходим к выводам.

По указанным соображениям, самодержавие абсолютно неприемлемо христианскою совестью. Сознательное признание его равносильно отступничеству от Христа, и потому Русская Церковь, не ищущая более долготерпения Божия, должна первым своим сознательным и воистину церковным, т. е. Христовым действием сделать исповедание «истины перед правителями»⁷², другими словами – на предстоящем Соборе необходимо именно Церкви потребовать от царя отказа от самодержавия. И сделать это исключительно во имя *религиозных* соображений. Этим мы вовсе не говорим, что Церковь не должна была и не должна теперь бороться с самодержавием и как со злой политической и общественной силой. Но только делать это она должна не чрез духовенство, а *через мирян*⁷³, ибо «каждый должен служить сообразно с

тем даром, который получил от Бога»⁷⁴. На Церковном Соборе, созванном для устроения Церкви, мотивировка может быть только религиозная. Итак, вот чего мы ждём от Собора прежде всего. Только совершив это, Собор получит действительную свободу, без которой совершенно немислима созидательная работа по устройству Церкви на канонических основаниях.

2. Теперь перейдём к тому, какую реформу Церкви мы считаем безусловно необходимой. Безусловно необходимо то, что сказано и заповедано в Евангелии, и потому обратимся прежде всего к Евангелию.

Что такое Церковь по Евангелию? Церковь, прежде всего, есть тело Христово – живой организм, отдельными членами которого являются верующие. «Вы – тело Христово, а порознь – члены» (1 Кор. 12, 27). Но, составляя, как и всякое тело, однообразную, бесформенную массу, Церковь носит в себе живые расчленения. «Тело же не из одного члена, но из многих» (1 Кор. 12, 14). Эти разные члены по самому существу своему несводимы друг на друга и один другой заменить не могут. Если один захочет вырасти за счёт других, их себе покорить и подчинить, то это незаконно, ибо тогда вместо многообразно расчленённого тела получился бы один член, и тело как таковое исчезло. «Если бы все были один член, – спрашивает апостол, – то где было бы тело?» «Если всё тело – глаз, то где слух? Если всё – слух, то где обоняние?» (1 Кор. 12, 19, 17). Значит, нормальная жизнь организ-

ма Церкви возможна только тогда, когда каждый член функционирует по-своему, развивает специфическую, ему присущую энергию, и значит, ставить препятствия этому функционированию, стеснять его и совсем запрещать – является совершенно невозможным со стороны одного члена по отношению к другому. «Не может глаз сказать руке: ты мне не надобна, или также голова ногам: вы мне не нужны» (1 Кор. 12, 21). Что же это за расчленения в теле Христовом – Церкви, говоря конкретно? Тот же апостол языков разъясняет это вполне: «Иных Бог поставил в Церкви, во-первых, апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями; далее, иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки» (1 Кор. 12, 28). Если мы вспомним, что пророчествовали, чудодействовали, учили, целили и говорили разными языками не особо поставленные апостолом люди, а все верующие (ярким доказательством этого служит вся 14-я глава 1-го послания к Коринфянам), т. е. миряне, то тогда становится совершенно ясным, что наряду с апостолами, т. е. священнослужителями и совершителями таинств, особым самостоятельным расчленением Церкви, по апостолу, являются миряне. Каждый из мирян является живым храмом Бога (1 Кор. 3, 16), «согражданином святым и своим Богу» (Еф. 2, 19), живым камнем строящейся Церкви, обладателем святого звания, «царственного священства» (1 Петр. 2, 5, 9; Отк. 1, 6) во исполнение древних пророчеств: «Вы будете у Меня царством священ-

ников и народом святым» (Исх. 19, 6; Ис. 61, 6).

При таком внутреннем соотношении между главными расчленениями Церкви – священнослужителями и мирянами, и во внешней церковной жизни миряне необходимо должны быть не пассивными зрителями, а активными участниками. Так и было в Апостольской Церкви, потому что Апостольская Церковь была живым явлением Церкви Вселенской. Когда в иерусалимской общине жизнь выдвинула потребность в новой должности – «диаконах», которые бы «пеклись о столах», – что сделали апостолы? Поставили ли они этих диаконов без согласия верующих? Ничего подобного. Они собрали собрание «множества» верующих и, объяснив им, почему явилась нужда в новой должности, сказали: «Итак, братия, выберите из среды своей семь человек». Собрание верующих согласилось на это, как говорится в Деяниях, «и угодно было это предложение всему собранию». Приступили к выборам, избрали семь человек и, избравши, «поставили перед апостолами, и сии, помолившись, возложили на них руки» (Деян. 6, 2–6). Таким образом, в избрании священнослужителей проявилось в Апостольской Церкви органическое единство и взаимная обусловленность двух главных расчленений Церкви – священнослужителей и мирян, обусловленность, необходимо вытекающая из самого существования Церкви, о котором сказано выше. Миряне – церковный народ – свободно и самостоятельно выбирают из своей среды доверенных людей, апостолы рукополагают их и сообща-

ют дары. Такое же органическое единство проявилось и в так называемом Апостольском Соборе, когда «апостолы и пресвитеры со всею церковью рассудили» (Деян. 15, 22) поднявшиеся вопросы. Вот что говорится и заповедуется о существовании церковной жизни в Новом Завете.

Но Церковь историческая постепенно забыла эти заветы, по примеру светских властителей стала закрепощать церковный народ, лишать его церковных прав и выводить из церковной ограды. Это длинная и печальная история, которой касаться мы здесь не можем. Но результаты её налицо: церковного народа в настоящее время не существует, живой Церкви – нет или, по крайней мере, она не совпадает с тем, что принято называть Церковью. Это положение ввиду усложнения жизни, ввиду надвигающейся исторической грозы – становится совершенно невозможным. Часть духовенства это почувствовала и заговорила о реформе. Но если в духовенстве после столь долгого и позорного молчания воистину заговорил и ожил Дух Христов, то ограничиться и серьёзно удовлетвориться теми полумерами и «заплаточками», которые предлагаются в печати духовенством, – конечно, совершенно немислимо. В деле церковного строительства мирские соображения являются совершенно неуместными, а пренебрежение «главою угла»⁷⁵ – Христом и Его Евангелием – есть отступничество и коллективное повторение отречения Петра. У Церкви только один путь жизни: это Христос⁷⁶ и Его Евангелие, всё остальное – от лукавого и

есть путь смерти.

То, что заповедано в Евангелии, для Церкви Христовой должно быть безусловной нормой, лежащей в основе церковной жизни, канонем, определяющим существенные черты её устройства. Конечно, Церковь как живая носительница Духа Святого, развиваясь и возрастая в меру возраста Христова, может и должна создавать новые нормы. Но эти нормы никак не могут противоречить тем безусловным и отменять их, а могут только дополнять, только находить конкретные применения их вечной сущности и живого Духа в зависимости от многообразия жизненных условий. Поэтому, как бы ни была богата церковная практика за всё время её исторического существования, уклад и правила церковной жизни, выработанные ею, для нас обязательны лишь в том случае, если они дополняют и разъясняют нормы и каноны, данные Евангелием, и ни в коем случае, если они им противоречат. И значит, если духовенство возревновало действительно о Церкви, а не о своём положении, которое станет вконец незавидным при установлении в России свободного режима, то, не смущаясь фактическим укладом обмирщённой и порабощённой государством Церкви, – необходимо вернуться ко Христу и Его Евангелию. Как смотрит Евангелие на существо Церкви и церковной жизни – мы сказали выше; теперь перейдём к тому, что же именно нужно сделать, чтобы построить нашу церковную жизнь на действительно канонических, т. е. евангельских, основаниях.

а) Прежде всего необходимо раскрепостить церковный народ, вернуть ему свободу церковной самостоятельности и церковного самоопределения. Это может быть достигнуто только путём восстановления истинно приходской жизни⁷⁷. Приход должен стать живой единицей, живущей полной церковной жизнью и органически объединяющей в себе духовенство и мирян. Для создания этого единения необходимо, чтобы священнослужитель не являлся в приход бог весть откуда, чужим, никому неизвестным лицом, назначенным канцелярским путём из далёкого Петербурга, а был бы по доверию избираем самою паствою. Верующие, группируясь около храма, должны получить право сами, на месте и из своей же среды выбирать себе в священнослужители тех лиц, которых они знают, любят и считают наиболее подходящими и которым они действительно могут верить по свободному расположению столь важную и ответственную должность. Выбранные прихожанами лица, подготовившись к служению в течение известного времени, рукополагаются епископом и возвращаются в свой приход. Выбранные этим путём приходские священники, принадлежащие к одной епархии, съезжаются вместе и избирают архиерея из своей среды (т. е. архиерей может быть женатым, что не только противоречит, но даже требуется церковными канонами) или из монашества. Архиереи всех епархий Русской Церкви, съезжаясь вместе, выбирают опять из своей среды или из монашества патриарха. Только таким путём выбранный патриарх

будет действительно связан со всей Церковью и явится истинным представителем и руководителем её в делах общецерковного характера, т. е. междуприходских и междуепархиальных, с одной стороны, и в отношениях к государству, с другой. Учреждать же патриаршество, не обновив и не построив на евангельских началах самых низов и оснований церковного управления, является простым закреплением того позора, который совершается в Русской Церкви теперь, но так как это закрепление будет сознательным действием, то значит, это будет и новым, уже перед всеми открытым заявлением, что для Русской Церкви господин – не Христос, а кто-то иной. (Детально разработанный план церковного переустройства на канонических основаниях⁷⁸ мы представим в своё время.)

б) Материальная сторона приходской жизни переходит в руки прихода. Все дела, связанные с доходами и расходами по храму, ведаются особо выбранными всем приходом лицами. Обязательность платы за требы уничтожается безусловно⁷⁹, и взимание добровольной платы производится не священнослужителями, а теми же доверенными лицами. Этим прекращается невозможная в Церкви торговля и барышничество – особенно сильное в деревне, которое превращает служителей Слова и совершителей таинств в откупщиков, что имеет результатом почти повсеместное или враждебное, или пренебрежительное отношение к духовенству. Кроме того, постепенно верующие должны взять на себя не только

заведование обеспечением текущей приходской жизни, но и содержание самих священнослужителей, так чтобы священнослужители содержались не на счёт государства, а на счёт самого же прихода. Этим подготовится важный и крупный шаг, который рано или поздно всё равно придётся сделать, это – отделение Церкви от государства, мера, которая должна быть страстно желаемой искренно верующими⁸⁰. Только необходимо, чтобы отделение это было совершено не по предложению государства, как это теперь во Франции, а по почину самой же Церкви. Церковь не должна ждать, пока её отделят насильно, по мирским соображениям, оставив её без содержания, а должна отделиться сама, во имя Христовой свободы.

в) Когда приход станет живой единицей, а священнослужители выборными и доверенными людьми, тогда сразу станет возможным уничтожить коренные недостатки теперешней Церкви. С одной стороны, в приходе верующие перестанут быть друг другу чуждыми людьми, случайно встречающимися на богослужении и совершенно не знающими друг друга. Храм станет центром, вокруг которого будут формироваться новые отношения и связи. Верующие станут друг к другу сторонами теперь нераскрытыми; из этого соприкосновения сначала затеплится, а потом и ярко разгорится жизнь, которая будет интимнее и глубже, чем самая высокая индивидуально-уединённая жизнь, и в то же время более любовная и более проникнутая единением, чем самая

высокая семейная жизнь. Из отдельных посетителей храма – прихожан – верующие станут единой общиной, живущей коллективной жизнью. Индивидуальные действия и поступки, сплавляясь и очищаясь соборными переживаниями, превратятся в религиозное делание. Одним словом, зародится общинная жизнь. Тогда сам собой устранился среди верующих современный камень преткновения – социальный вопрос. В каждом приходе все бедняки, калеки, старики, сироты и все нуждающиеся станут общей тяготой и общей заботой. Горькое станет сладким и трудное лёгким, и, помогая им, будут радоваться, что могут излить любовь и восполнить от своего избытка их недостаток. И тогда можно будет сказать словами Деяний апостольских (Деян. 4, 32–35): у множества верующих будет одно сердце и одна душа, и никто из имени своего не будет называть своим, но всё у них будет общее; и не будет больше среди них нуждающихся, ибо всем будет уделяться, смотря по нужде каждого. Установится полное общение мыслей, переживаний и имуществ, как было в Апостольской Церкви; только тогда это было потому, что близко было время, когда сам Господь приходил и обитал среди людей, а теперь потому, что близко уже время, когда мы увидим лицо Пресвятой Матери нашей, Церкви, и близко время, когда Господь придёт в силе и славе судить живых и мёртвых⁸¹. Для общения имуществ и правильного распределения по нуждающимся необходимо, чтобы в Церкви возродилась благодать диаконства. А так как женщинам

свойственна особая мудрость к устройению имущественных отношений, то необходимо возродить в Церкви Апостольский институт диаконис⁸².

г) Народ мистически связан с землёй. И потому духовенство, оторвавшись от церковного народа, постепенно перестало по-Божьему понимать всё земное. Монашество, бывшее когда-то сильнодействующим средством, – когда было принято в большой дозе и проникло во все стороны церковной жизни, как и всякое лекарство, принятое в большой дозе, стало действовать разрушающим образом и превращаться в яд, отравляющий Церковь. Оно окончательно угасило идею царственного священства мирян и окончательно лишило Церковь зрения на землю. Церковь, будучи высшей руководительницей в индивидуальной жизни, во всём остальном, в общественных и политических отношениях, была и есть беспомощно слепа. От этой слепоты и зависит длинный исторический ряд позорных соучастий представителей Церкви в общественных и политических, малых и крупных злодеяниях, соучастий, из которых последним и всем памятным было послание Синода по поводу событий 9 января и преступное молчание всего духовенства⁸³. А между тем возрождение церковного народа, связанное с восстановлением истинно приходской жизни, исцелит Церковь от этой слепоты: земля опять попадёт в поле её зрения, и восстановится к ней истинное и должное отношение. Вся история и культура, все вопросы, которыми мучилось человечество прошлого и ко-

торами болеет человечество современное, через мирян будут ставиться не перед отдельным сознанием отдельных более или менее высоких христиан, а пред соборным сознанием Церкви⁸⁴. Церковь как такая должна пережить всё, чем жили отдельные люди, и ответить на всё соборно, как истинное тело Христово, носящее в себе ум Христов. Этот ответ будет для людей новым откровением, потому что полноты Христовой истины мы не имеем в себе⁸⁵ – не только в жизни, но и даже в сознании. Кроме того, начнётся общественное служение Церкви, т. е. действенное утверждение Христовой правды в чуждых ей политических, общественных и экономических стихиях⁸⁶. Верующие миряне, утверждаясь в общинной жизни и прикасаясь в ней к идеалу истинно-христианских отношений, понесут свой опыт ко всем стоящим вне общины и не верующим и будут стараться всеми силами установить среди них справедливые отношения, помогая слабым против сильных, уничтожая безбожную эксплуатацию капиталом труда.

Итак, наши чаяния от будущего Собора сводятся к следующему:

1. Собор во имя Христово откажется признавать царя самодержавным и потребует от царя, как от одного из верующих, отказа от самодержавия.
2. Собор восстановит истинно-каноническую жизнь в Церкви созданием живой церковной единицы – прихода, ве-

дающего весь свой внутренний распорядок и избрание священнослужителей.

3. На Собор в качестве равноправных с духовенством членов будут допущены миряне⁸⁷.

Последний пункт мы считаем очень важным и потому скажем о нём в следующем обращении к епископам отдельно.

К обществу

Новая политическая организация, именующаяся Христианским братством борьбы, считает нужным в последовательном ряде обращений «К обществу» выяснить смысл и значение своей деятельности. Братство при этом живо чувствует всю невыгоду своего положения. Ему придётся обращаться к людям, не допускающим никакой искренней работы во имя Христова⁸⁸; относящимся ко Христу или безучастно, или враждебно, как к чему-то прошлому и ненужному, что теперь употребляется лишь для эксплуатации невежественных масс, к людям – смотрящим на Церковь ещё с большей враждой, как на символ самой грубой общественной отсталости. И несмотря на явный интерес к вопросам философско-религиозного характера, который теперь наблюдается в обществе⁸⁹, Братство уверено, что с первых шагов, начиная с самого названия, Христианское братство борьбы, в массе интеллигентной оно встретит недоверие и в лучшем случае любопытство к несколько необычному явлению. Причина этого лежит в традиционном и понятном предубеждении к христианству, поскольку оно до сих пор пыталось проникнуть в сферу общественных отношений, т. к. до сих пор христианские начала вводились Церковью лишь в сферу индивидуальной жизни и не были положены в основу обществен-

ных отношений, в которых Церковь всегда играла недостойную роль и служила безбожным целям государства. Но такое сужение задач не придало большей интенсивности церковным силам, а, напротив, привело к полному параличу. Всего ярче сказалось это среди интеллигенции в её отношении к различным революционным партиям. Революционное движение глубоко проникнуто этическим элементом, идеей самопожертвования, любовью к ближнему, к страдающему и угнетённому, оно носит в своей основе несознанный дух Христов. У русского интеллигента в силу особых исторических и общественных условий всегда была глубокая потребность своё религиозное делание выразить именно в деятельности общественной; между тем Церковь, упорно игнорируя эту сторону жизни, призвала и призывает к тому, что для большинства психологически несовместимо: к личному совершенствованию при полном игнорировании общественных задач и политических интересов, между тем революционные партии, хотя теоретически и отбрасывают религию, практически призывают к делу если не *вполне* Христову, то, во всяком случае, в *главном* близком Ему. Церковника и революционера стало возможным уподобить двум рабам, из которых один сказал, что он пойдёт к господину, и не пошёл, а другой сказал, что не пойдёт, и пошёл. Пусть нет религии... пусть смеются над Богочеловечеством Христа, – работа Его совершается, и в этом черпается удовлетворение для бессознательной жажды Господней.

И вот действительно всякий честный русский интеллигент становится революционером, дорогою ценою покупая право послужить истине. В области теоретической от него требуют такого миропонимания, которое не соответствует всему его складу и которое, если его провести с беспощадной логикой до конца, – в сущности, должно уничтожить всякий смысл той работы, во имя которой совершается эта сделка. Чувствуется это всеми инстинктивно, и потому большинство русских революционеров стараются не углубляться в теоретические дебри, чувствуя, что нет там их правды, а если она и есть, то только в практической программе²³⁶. Те же, которые не в силах побороть своих теоретических сомнений, остаются с душевным разладом на всю жизнь, т. к. работают по непосредственному требованию совести, а сознание не подкрепляет, а скорее разлагает его. Весь трагизм такого положения поймут особенно те немногие, которые стоят на вполне определённой христианской точке зрения и потому не колеблются, а категорически отрицают теоретическую основу революционных партий, – и несмотря на это должны присоединяться к ним, за полной психологической невозможностью не работать в этом направлении вовсе, и тем, безусловно, идя на некоторый компромисс.

Отсюда понятно, почему Братство в своей краткой программе, которая приводится ниже, нашло нужным подчеркнуть именно свои *общественные* задачи. В дальнейших обращениях «К обществу» будет раскрыта возможно полная

картина того, каким образом Братство думает осуществлять свои цели и какой идеал оно полагает в основу своих стремлений. Покуда же было важно установить, что Братство возникло из глубокой и неудовлетворённой потребности верующих, религиозных людей раскрыть «правду о земле», протестовать против пренебрежительного отношения Церкви к процессу жизни, в основе чего лежит неверие в жизнь и в её Божеское назначение; не словом, но делом осуществить те конкретные формы, в которые должно вылиться истинное христианство и Царствие Божие, внутри вас заключённое, – Царство небесное с небес свести на землю...⁹⁰ И Братство убеждено, что во многих, скрыто и тайно любящих Христа, не знающих, как послужить Ему в сфере общественной, найдёт оно горячий отклик, и призыв его не останется без ответа.

[К рабочим]

Братья христиане! По всей России началась забастовка⁹¹. Народ требует свободы. Требует, чтобы чиновники не творили самоуправств; чтобы не расхищали казны; чтобы давали отчёт народу в истраченных деньгах; чтобы можно было сходиться и обсуждать свои нужды; чтобы народ избрал людей, которым доверяет, и на учредительном собрании решил сообща, как править страной⁹². Забастовка одна может принудить чиновников уступить. Забастовщики никого не хотят убивать, не хотят проливать ничьей крови. А правители, забыв Бога и совесть, безоружных расстреливают, невинных избивают шашками. Но им этого мало. Книжники и фарисеи, распявшие Христа, подстрекают ещё и вас бить «забастовщиков», «студентов», «крамольников». Да не будет! Вспомните Бога! Забастовщики идут спасать Россию. Все христиане пусть встанут на их сторону. Последнее средство – мученичество. К мученичеству за Христа мы вас и призываем⁹³. Ибо за теми, кто страдает, – Христос, а все те, кто терзает народ, от дьявола.

Христианское братство борьбы и его программа²

В феврале 1905 года в России организовалось Христианское братство борьбы. В заграничной, как русской, так и иностранной, печати о деятельности Братства появились чрезвычайно отрывочные и неточные сведения⁹⁴. Между тем в настоящее время, когда среди духовенства, народа и верующей интеллигенции начинает пробуждаться религиозная жизнь, а с нею и стремление к христианской общественности, является существенно необходимым более близкое знакомство с деятельностью и задачами Братства.

Христианское братство борьбы – это первая попытка создать в России христианскую политическую организацию, и потому в истории религиозного движения оно должно быть особенно отмечено. В недалёком будущем из «подпольной» организации оно, несомненно, перейдёт на путь легального развития и, быть может, займёт видное, даже первенствующее место в ряду народных политических партий. Таким образом, знакомство с деятельностью и задачами Братства представляет не только исторический, но и злободневный интерес.

² Доклад, читанный в Москве, в Религиозно-философском обществе памяти Вл. Соловьёва 21 ноября 1905 года.

Настоящий очерк составлен по самым точным данным и документам, которые были предоставлены мне лицами, близко знакомыми с деятельностью Братства.

I

События 9 января застали христиан врасплох. Нельзя сказать, чтобы кровавая расправа на улицах Петербурга была для них совершенно неожиданна, напротив, многие в отдельности предчувствовали неизбежные кровопролития, предугадывали все ужасы грядущей русской жизни, но у них не было выработанных, вполне сознательных религиозных основ для того, чтобы занять подобающее место в начавшемся движении. События 9 января сделали невозможной дальнейшую неопределённость. Они требовали немедленно и решительного участия в начавшейся борьбе. *За* свободу или *против* неё, но необходимо было от слов перейти к делу. Острая неотложность момента вскрывала всю ту беспомощность, в которой находились христиане в вопросах общественных. Веруя во Святую, Соборную и Апостольскую Церковь, измученные неудовлетворённой жаждой истинно церковной жизни, христиане почувствовали с небывалой силой, что им не у кого спросить⁹⁵, как отнестись к освободительной борьбе и ко всей сложности тех вопросов и явлений, которые с ней связаны. Можно было узнать мнения лишь отдельных представителей духовенства, часто друг другу диаметрально противоположные, – но Церковь, голос которой только один и мог успокоить христианскую совесть, дать полную внутреннюю уверенность в Господней правде соверша-

емой работы, – Церковь спросить было нельзя.

Между тем некоторые представители духовенства самозванно, будто бы от лица Церкви, говорили языком, явно враждебным Христу. События надвигались; тёмные силы начинали явно и дерзновенно распоряжаться там, где должно было действовать святое откровение Церкви; казалось, наступали дни, когда безмолвие Церкви становилось равносильным отречению от Христа, а вместе с тем, казалось, близилось время окончательной мировой катастрофы.

Трагический образ Гапона, начавшего Христову работу с истинно пастырским дерзновением и кончившего призывом, недостойным ни пастыря, ни христианина⁹⁶, черносотенная агитация части духовенства с Синодом во главе, трусливое молчание либеральных священников, которые, пользуясь авторитетом, могли бы возвысить свой голос, и искренняя беспомощность тех из духовенства, которые рады были жизнь свою отдать для спасения Церкви и родины, но не знали, как действовать им, чтобы принести *настоящую* пользу⁹⁷, – всё это доказывало страшное смятение, роковые внутренние процессы, эмпирически проявляющиеся как кровавые знамения грядущих последних времён⁹⁸. Ждать становилось невозможным.

И вот небольшая группа лиц решилась обратиться к некоторым епископам Русской Церкви с воззванием, в котором указывалось бы на необходимость немедленно, не дожидая-

сь, когда надвигающаяся буря стихийно охватит всю русскую жизнь, написать *окружное послание*⁹⁹ в защиту всех справедливых христианских требований, выдвинутых освободительным движением, и тем встать впереди движения, сделать его христианским, сведя на нет силы революции¹⁰⁰.

Воззвание было написано, и депутация отправляется к епископу N.¹⁰¹, с которым и ранее имелись частные общения. Вечером в монастырских покоях епископа произошло чтение воззвания христиан. В нём говорилось, что страна гибнет, что самодержавная власть истерзала народное тело, что Церковь одна может спасти страну и епископы обязаны в этот момент почти открытого дьявольского искушения выступить с окружным посланием. Они должны сказать, что Церковь никакими государственными целями не может оправдать убийств¹⁰², что она не может благословлять неограниченной власти, ибо всякая власть ограничена законами Божиими, не может связывать христианскую совесть присягой и поддерживать учение, что надо исполнять всякое приказание верховной власти, хотя бы явно безбожное, как, например, истязание безоружных людей. Воззвание кончалось словами: «Господи, отыми робость из сердец служителей Твоих и дай им дерзновение исповедать святое Имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь»¹⁰³.

Епископ сначала отнёсся к прочитанному явно враждебно. С нескрываемой иронией он сказал:

– Пламенные словеса... Пророк Иеремия... Я бы очень желал, чтобы это было где-нибудь напечатано!

Но затем произошёл долгий и знаменательный разговор.

Этот разговор раскрыл депутатам тот *внутренний* мир, который стоит за молчанием представителей Церкви. Епископ начал с иронии, но кончил почти исповедью. На резко и прямо поставленный вопрос, что молчать в настоящую минуту, не обличать безумную власть¹⁰⁴, забывшую Христа и в своих зверствах кощунственно прикрывающуюся авторитетом Церкви, – равносильно отречению от Христа, он с видимой внутренней борьбой сказал:

– Да, это отречение от Христа.

– Значит, вы отрекаетесь от Христа? – сказали депутаты.

– Да, отрекаюсь¹⁰⁵, потому что я слаб, я связан, я связан какими-то цепями, как связана вся Церковь.

Депутаты ушли. На прощание он сказал им:

– Я желаю вам добра. Будьте осторожны. Если поедете к другим епископам, имейте в виду, что можете на такого попасть, который и за полицией пошлёт.

Через несколько дней депутаты с воззванием отправились в Петербург. В Петербурге они имели совещание с группой лиц, принадлежащей к высшему петербургскому духовенству¹⁰⁶; там повторилось почти буквально то же, что и в Москве. С первых же слов враждебное, почти презрительное отношение к прочитанному, затем долгий разговор и горь-

кие признания, почти покаяние.

– Устал, – сказал один из присутствовавших, – я устал, не могу, у меня на такие подвиги нет сил. Я, как утомлённая птица, думаю об одном – сесть и отдохнуть, а вы молоды, поработайте.

Из его слов вполне определённо выяснилось, что к высшему петербургскому духовенству обращаться совершенно безнадёжно. Для депутатов становилось очевидно, что придётся начать деятельность другими путями.

II

В феврале месяце в Москве произошло очень немногочисленное собрание христиан, на котором, совместно с прибывшими из Петербурга¹⁰⁷, было решено открыть деятельность Христианского братства борьбы и был выработан краткий проект программы Братства. Этот проект затем подвергся переработке в Петербурге, совместно с представителями г. Киева, и окончательная редакция его такова¹⁰⁸:

«Христианское братство борьбы имеет целью активное проведение в жизнь начал вселенского христианства. Эти начала, введённые историческим христианством в сферу *индивидуальной* жизни, до сих пор не были сознательно положены в основу *общественных* отношений. В общественных отношениях до сих пор осталась не раскрытой “правда о земле”, лежащая в самой сущности христианского учения. Раскрыть эту правду и действительно осуществлять вселенскую правду Богочеловечества во всемирно-историческом процессе и есть общая задача Братства. Своеобразие и исключительность настоящего исторического момента сами собою определяют ближайшие, частные задачи Братства, необходимо вытекающие из общей основной.

Эти задачи суть:

1. Борьба с самым безбожным проявлением светской вла-

сти – с самодержавием¹⁰⁹, кощунственно прикрывающимся авторитетом Церкви, терзающим народное тело и сковывающим все добрые силы общества.

2. Борьба с пассивным состоянием Церкви в отношении государственной власти, в результате чего Церковь идёт на служение самым низменным целям и явно кесарю предаёт Божье.

3. Утверждение в социально-экономических отношениях принципа христианской любви, содействующего переходу от индивидуально-правовой собственности к общественно-трудовой.

Братство призывает к совместной Господней работе всех верующих во Христа без различия исповеданий и национальностей ввиду того, что борьба с безбожной светской властью имеет смысл не только национальный, но и вселенский».

В период, когда вырабатывалась программа Братства, Святейший синод издал своё знаменитое послание¹¹⁰, повторивши клевету о подкупе русских рабочих¹¹¹. Воззвание, с циничной откровенностью обнаружившее, до какого полицейско-охранительного состояния дошла видимая историческая Церковь или, точнее, её высшие представители. Не понять тех сил, которые двигали рабочими, когда с пением «Отче наш» они шли к царскому дворцу, позорно оклеветать великое освободительное движение, по силе самопожертво-

вания и по громадности значения которому не было равного в мире, – это было каплей, которая, казалось, должна была переполнить чашу гнева Господня. Вавилонская блудница открыто готова была воссесть на престоле и творить мерзости до срока¹¹². А в народе уже начинался зловещий гул, как отзвук брошенной клеветы. «Забастовщики» и «изменники» – становились равнозначными словами. Необходимо было распространить в народе, особенно в городском, наиболее восприимчивом населении, ответ на воззвание Синода. Одним из наилучших средств для распространения этого ответа члены Братства сочли расклейку воззваний на улицах¹¹³.

Воззвание было написано, город разделён на 10 участков. Ночью члены Братства отправились развешивать его по улицам¹¹⁴.

На листках воззвания стоял большой чёрный крест, и составлено оно было в следующих выражениях:

«Православные христиане! Синод обратился к вам с увещанием не заводить в государстве смуты, не быть заодно с внутренними врагами и тем не служить японцам. Не таких слов ждали все истинно-православные люди в настоящее тяжёлое время. Кому неизвестно, какие грабительства и притеснения творят царские слуги. Они и ослабили Русскую землю, потому что измучили народ¹¹⁵. А когда петербургские рабочие, с пением “Отче наш”, шли умолять ца-

ря выслушать об их нуждах, в них стали стрелять солдаты и убили около 3000 человек и ранили более 5000 своих же братьев-христиан... И после этого Синод, забыв истинную Апостольскую Церковь, увещевает вас, а не тех, кто довёл вас до крайности, кто губит Русскую землю и зверски убивает наших братьев. В такие минуты все ждали, что Церковь возвысит свой голос против обезумевшей власти, забывшей, что Царь всех царей – Господь и что царская власть ниже воли Господней, подобно тому, как митрополит Филипп обличал царя Иоанна Грозного, измучившего народ опричной». Далее приводились слова свт. Филиппа¹¹⁶.

Во время развески никто из Братства задержан не был.

На некоторых улицах возвания провисели до следующего дня, и около них всё время толпился народ.

Перед Христианским братством борьбы с первых же шагов вставала громадная и бесконечно сложная задача, с одной стороны, дать религиозно-философское обоснование христианской общественности, с другой – от теории перейти к практике, воздействуя на духовенство, интеллигенцию и народ в указанном направлении. Эта задача усложнялась недостатком людей, ограниченностью денежных средств и массой технических затруднений; для того чтобы пропагандировать свои идеи среди широких слоёв населения, необходимо было обзавестись своей тайной типографией¹¹⁷. Это стоило больших денег и связано было со всевозможными препятствиями. Покуда разрешался вопрос о типографии,

Братство, не откладывая, приступило к формулировке теоретических начал своей деятельности. <...>¹¹⁸

Содержащее их обращение, называвшееся «О задачах Христианского братства борьбы», было разослано почти всем русским епископам и многим представителям духовенства в Москве, Петербурге, Киеве, Владимире, Воронеже, Тифлисе, Харькове и других городах.

Наконец, с большим трудом Братству удалось поставить свою небольшую типографию¹¹⁹. Немедленно же было приступлено к изданию обращения к войскам, как самой спешной и неотложной задаче. Дело подвигалось довольно медленно, так как типография помещалась под Москвой. Кроме того, печатать нужно было не на машине, а ручным прессом, и в довершение всего физический труд, за недостатком людей, ложился на тех же, кто должен был быть литераторами, философами и богословами. Как бы то ни было, через некоторое время воззвание «К войскам» было напечатано в количестве 4000 экземпляров. Вот полный текст этого возвания¹²⁰:

«Братья христиане!

Страшный и тяжёлый грех на вашей душе. По приказанию безбожной светской власти усмиряете вы “бунтовщиков”, убиваете и мучаете их. Самое ужасное то, что, убивая своих братьев-христиан¹²¹, вы не приносите покаяния, думаете, что поступаете хорошо. “Это не наше дело, – говори-

те вы, – начальство велит, оно и ответит перед Богом, а мы обязаны слушаться”¹²². Не так говорили апостолы и святые мученики христианские, когда начальство заставляло их отрекаться от Христа и кланяться идолам. Не говорили они тогда: поклонимся, отречёмся – а там пускай начальство отвечает.

Господь Иисус Христос велел любить друг друга, велел молиться за врагов, как сам Он молился на кресте за распинавших Его. А вы теперь убиваете не только врагов своих на войне, но и друзей своих – рабочих и крестьян в городах и деревнях. Вам говорят – они бунтовщики, сами виноваты, заставляют стрелять и бить их. Но разве уж так виноваты голодные крестьяне, когда они берут хлеб у помещиков, проживающих в городе десятки тысяч рублей в год, или рабочие, не знающие отдыха, измученные работой, когда они просят прибавки жалования и сокращения рабочего времени? Почти все вы сами крестьяне, сами знаете, как тяжело жить и в деревне, и на фабрике, как и рад бы не бунтовать, да велит нужда. А если они и виноваты, то разве есть такая вина, за которую можно убивать людей? Вспомните, как воины хотели взять Иисуса Христа в Гефсиманском саду. Неужели эти воины были меньше виноваты, чем несчастные рабочие, просящие кусок хлеба? И вот когда апостол Пётр выхватил меч, чтобы зарубить нечестивых воинов, Господь сказал: “Возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут”¹²³.

“Начальство приказывает, – говорите вы, – а Господь велел слушаться начальства”. Да, велел. “Всякая душа властем предрержащим да повинуется”, – сказал апостол. Но нигде не сказал он, что начальства нужно слушаться больше, чем Бога. Вы должны слушаться начальства, но до тех пор, покуда это начальство не требует от вас противного воле Божией. Апостол знал, что такие случаи будут, и сказал верующим – если потребуют от вас противное вашей совести и закону Иисуса Христа, отвечайте: “Аще праведно есть пред Богом вас послушати, паче нежели Бога?”, т. е. разве хорошо слушаться вас, начальников, больше, чем Бога, и не велел слушаться начальства, если оно требует безбожного дела. А разве убивать, хотя бы и бунтовщиков, – не безбожное дело? Кто выше – Бог или царь со своими слугами? Один у вас Господь – Царь Иисус Христос. И потому, если царь или слуги его велят делать то, что не велел Господь, – вы должны слушать Господа, ибо нельзя служить двум господам. Подумайте только, вдруг на землю пришёл бы Христос, стал бы учить, начальству не понравилось бы и оно приказало вам расстрелять Его. Кого бы вы послушались? Неужели царя земного, а не Царя Небесного? Но ведь Христос приходит на землю и теперь в виде голодных и обиженных людей. Вы не помогаете им, вы стреляете в них – вы стреляете в Христа¹²⁴. Вы отрекаетесь от Него. И Господь оттолкнёт вас и скажет: “Так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне”¹²⁵. Страшный, великий грех – убивать людей, ви-

новаты они или не виноваты, всё равно. Никто не имеет власти, кроме Бога, лишать человека жизни. Царь ослеп от своей власти и встал на Царя Небесного. Он велит вам нарушать святую заповедь “не убий” и велит убивать христиан. Вы не должны делать этого, не должны слушать начальников, если они требуют безбожного дела, не должны помогать царю отступнику. Должны служить одному Царю и Господину Иисусу Христу.

Вас будут безбожные слуги царские мучить и убивать – но блаженны те, кто примет страдания за Христа и за правду Его: “Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня; радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас”¹²⁶. Без ропота умираете вы на войне за царя земного, ужели вы побоитесь умереть за Царя Небесного и под угрозами казней станете убивать своих братьев? Нет, ещё крепка в вас Христова вера. Не побоитесь вы мучителей и безбоязненно, по примеру великих служителей Христовых, смело скажете царским слугам, когда они будут заставляя вас стрелять в беззащитных бунтовщиков: “Господь не велит, не пойдём, – ибо все взявшие меч мечом погибнут”».

Воззвание «К войскам» было распространено по преимуществу среди петербургских войск, частью во Владимире и немного в Киеве. В общем разошлось до 3500 экземпляров. Кроме того, было отпечатано в нескольких тысячах эк-

земляков обращение к крестьянам¹²⁷. Написано оно было в том же духе, как и обращение к войскам. В нём говорилось, что русский народ терпит все ужасы за грехи свои, но что недостаточно сказать: «грешен», а надо ещё и покаяться в своих грехах, а для этого прежде всего надо знать свой грех. На русском народе три греха: любовь к кесарю больше, чем к Богу, поглощение государством Церкви и война на Дальнем Востоке.

Братство затем считало важным ознакомить со своей программой возможно широкую часть интеллигенции. С этой целью было написано обращение «К обществу» и разбросано по ящикам для писем и газет в Москве, Петербурге, Киеве, Воронеже и др. городах.

В конце мая, с целью ознакомить во всех подробностях с задачами Братства, один из членов его предпринял поездку в некоторые провинциальные города, где читал рефераты о программе Братства. Представители крайних партий относились к программе Братства с большим интересом, признавая за ним большую потенциальную силу. Соглашались, что верующая часть народа, которая представляет большинство в настоящее время, только на религиозной почве и может присоединиться к освободительному движению.

За четыре месяца своего существования, с конца января до конца мая, Братству, несмотря на крайнюю малочисленность его членов, удалось выработать себе более или менее определённую практическую программу, по возможно-

сти ознакомить с нею духовенство и общество и через посредство печатных листков проникнуть в широкие народные массы. Но главная задача Братства – непосредственного, личного воздействия на народ – была не осуществлена. Между тем в одном из фабричных уездных городов началась грандиозная стачка¹²⁸. Случай выступить с проповедью христианской программы был чрезвычайно благоприятный, и Братство направило туда одного из своих членов для проповеди. Перед проповедником вставала истинно христианская задача пробудить в тех, кто боролся за личную жизнь, за личное благополучие, идею о борьбе ради правды Христовой. Превратить стачку за хлеб насущный в подвиг борьбы с теми, кто, эксплуатируя труд, оскверняет мир – этот Храм Господень, делая его домом торговли и вертепом разбойников.

Усилия одного лица, разумеется, не могли изменить характера всей стачки, но кое-чего в этом направлении удалось достигнуть. Представитель Братства не мог влиять на организованных рабочих и, разумеется, не старался влиять на те или другие резолюции – они несколько не менялись бы от самого коренного, внутреннего изменения тех психологических мотивов, которые выдвигали эти требования. Против требований как таковых возражать было нечего, т. к. Братство всецело к ним присоединялось. Представитель Братства выступал как проповедник. В силу своих личных недостатков, слабости голоса, делавших его почти неслышным на

воздухе, он не мог говорить перед большой аудиторией, но среди небольшого числа рабочих его слушали и понимали.

Содержание этих проповедей было приблизительно таково: жизнь рабочих, голодная, беспросветная, в грязи, нищете, бесправии, – это сплошное вековечное страдание. Человек, истинный храм Божий, превращён в бездушную машину. Безбожные сытые люди воруют его труд и затапывают душу его в грязь, оскверняется человек, а вместе с тем оскверняется, уродуется и великий храм Христов. Не за улучшение своего положения, не за личную счастливую жизнь должны бороться забастовщики, а во имя Христово, как на святой подвиг, мученически должны они идти на защиту опозоренного Христа. Своими мучениями в течение десятков лет они выстрадали себе право изгонять торгующих из Храма.

Во время таких речей, когда за гулом, доносившимся с улицы, было плохо слышно, рабочие иногда брали говорившего к себе на руки, чтобы яснее долетали слова, многие крестились, а бывало, что и становились на колени...

Опыт этот с наглядностью показал, какая бесконечная религиозная энергия хранится в простом народе. Братству представлялось неотложно важным немедленно же направить проповедников и в другие места. Недостаток людей связывал по рукам, ибо дальше словесного сочувствия религиозно настроенные люди не шли, и Братство, в смысле количества активных деятелей, не увеличивалось. С большим тру-

дом одному из членов Братства удалось направиться в Курскую губернию, где он и провёл около двух недель, переходя из деревни в деревню. Речь всюду была одна: народ должен стать свободен от цепей, но он должен освобождаться от них во имя свободы Христовой, и тогда не безумная ненависть, а великая любовь загорится в сердцах тех, кто борется за свободу; и если теперь всё-таки так много правды несут те, кто борется за освобождение народа, то какая же великая сила, непреодолимая мощь была бы в борьбе, когда она совершалась бы во имя свободы Христовой. Слушатели относились в начале речи недоверчиво, даже враждебно, но всегда заинтересовывались, дослушивали до конца, совершенно меняли отношение и говорили:

– Чудной человек, – откуда ты такой взялся, помоги тебе Бог.

При этом иногда давали деньги: помяни за упокой. На одной железнодорожной станции, когда путешествие было почти окончено, член Братства был избит ломовым извозчиком. Это произошло во время разговора с железнодорожными служащими. Стоящий вблизи извозчик, до которого доносились только обрывки слов, вдруг бегом подбежал к говорившему и несколько раз ударил его кулаком в грудь. Это был единственный случай явной ненависти, и то больше по недоразумению.

О деятельности Братства с осени по многим причинам пока куда говорить не приходится¹²⁹, но уж из того беглого об-

зора, который мы дали здесь в общих чертах, намечается характер деятельности Братства. Эта деятельность, конечно, покудова не подлежит оценке: перед нами лишь первые робкие шаги. Да и, признаюсь, я лично слишком сочувствую Братству, чтобы сохранить беспристрастность в оценке его деятельности. Несомненно одно: Братство встало на новую, самостоятельную дорогу – и в этом его неоспоримая заслуга. К нему в нелегальной литературе пытались применить термин «христианский социализм»¹³⁰ – но самого беглого знакомства с деятельностью и программой Братства достаточно, чтобы увидеть, как не подходит к нему это определение. В центре всего для Братства стоит Христос. Вселенская *Церковь* – вот то, к чему стремится оно в каждом своём политическом действии, таким образом, не во *внешних* условиях полагает Братство всё значение и силу прогресса. Идея Богочеловечества, чуждая тому, что привыкли разуметь под «христианским социализмом», положена в основу деятельности Братства.

Особенно важно и знаменательно появление такой организации в наше время ещё вот почему. За последнее время среди духовенства замечается несомненное брожение, пробуждается долго спавшая религиозная совесть, является потребность искупить тяжёлые, многолетние грехи. Духовенство хочет идти и ищет дороги. Но в нём слышно много слабости и робости. Его пугает то, к чему внутренне обязывает совесть. В такой момент велик соблазн принять «ни хо-

лодное, ни горячее»¹³¹ христианство как более «лёгкое», как ближайший переход от долгого сна. Умеренное, безжизненное «фельетонное» христианство, без подлинного религиозного вдохновения, уже начинает душить своей мёртвою рукой начавшееся движение, представители его уже готовят удобный склеп, где могла бы спокойно уснуть вострепенувшая было христианская совесть. Вот потому так и важно, что раздался наконец дерзновенный, горячий голос христиан. От такого голоса все настолько отвыкли, что он кажется почти безумным. Ведь в чём угодно можно упрекать Братство, но про него никто не скажет, что оно ни холодное, ни горячее.

Может быть, в его взглядах и деятельности есть частные ошибки и заблуждения – слишком великая задача встала перед горстью людей, – но в том огне, который загорелся в этих людях, несомненный залог великой, подлинной, грядущей огненной правды¹³².

Проект краткой программы Христианского братства борьбы

I. Введение

1) В основу всех человеческих отношений должны быть положены Христова любовь и Христова свобода¹³³.

2) Идеал *полной* и всецелой правды людских отношений не должен полагаться *только* в будущее, как это делается рабочими партиями, а осуществляться теперь же, немедленно, всеми верующими во Христа. *Вся* правда должна теперь же быть реализована среди верующих, но верующими будут *не все*.

3) Христиане совершенно не принимают того *количественного* представления о прогрессе, которое господствует в современном мировоззрении¹³⁴, по которому благополучие и обеспеченность, являющиеся теперь достоянием некоторых, по достижении цели станут достоянием *всех*, и тогда настанет Царство всеобщего благоденствия.

4) Христиане имеют своё представление о прогрессе, коренным образом отличающееся от мирского. Этот прогресс – качественный, идущий *вглубь*, а не *вширь*. Количественное развитие его является чем-то производным и обуславлива-

ется развитием качественным.

5) Реализация *полной* правды в жизни верующих есть необходимый момент *этого* христианского прогресса. Она послужит началом той окончательной дифференциации, той последней и обязательной борьбы зла с добром, о которой говорится в Апокалипсисе.

6) Всеобщего благополучия, по глубочайшей вере христианской, на *этой* земле никогда не будет¹³⁵. Всеобщего благополучия никакой социализм дать не может, ибо никакой социализм не властен над законами природы, из которых наиболее неустрашимый и наиболее беспощадный – закон *смерти*.

7) Христианство идёт по пути преобразования слепых и мёртвых законов природы в благодатный строй Царствия Божия¹³⁶, и, по вере христианской, «Последний же враг истребится – смерть» (1 Кор. 15, 26). В пределах истории последняя цель христиан – это явление «жены, облечённой в солнце» (Отк. 12, 1). Церковь откроется верующим как Невеста Христова, готовящаяся к браку Господином своим¹³⁷.

8) После этого – начало уже вечного царствования¹³⁸ Христова на новой земле и под новыми небесами (2 Пет. 3, 13). Это и есть окончательная, за пределы истории выходящая цель христианского прогресса.

9) Христианский прогресс есть процесс *богочеловеческий*. Действует и Бог, и человек. Человек свободно совершает ра-

боту Господню, а Господь подаёт ему нужную силу и указывает, что нужно делать и как. Поэтому христианский прогресс есть дело и человека¹³⁹. Его усилиями, его свободной сыновней работой человечество приближается к своей за-предельной цели.

10) Пришло время сознательно послужить этому приближению. Ибо «время близко» – мы вступаем в окончательный, апокалиптический период всемирной истории. Это говорил уже Достоевский. Об этом недавно во всеуслышание сказал Вл. Соловьёв, неясным предчувствием и тревогой об этом полны все движения нашего времени и вся современная литература, отражавшая их.

11) На теперешнем поколении лежит колоссальная задача найти конкретные пути осуществления полной правды в жизни верующих и тем при содействии Духа Святого положить начало концу – концу господства зла и смерти¹⁴⁰.

12) Одним из *безусловно необходимых* путей к этому является создание христианской общественности, выработка и нахождение форм христианского общественного служения. Последнее предполагает наличие определённой и конкретной практической программы. Дальше сказано, как рисуется эта программа Христианскому братству борьбы.

II. Часть общая

1) У всякой практической программы должен быть непре-

менно конечный и окончательный *идеал*. Только он может дать цельность, последовательность и единство разнородной в своих частях программе, и только он может объединить различные действия различных лиц, ставя и указывая им *единую* цель.

2) Для Братства таким идеалом всех человеческих отношений (в частности, политических, общественных и экономических) является Церковь. В ней одной возможна полная реализация свободы Христовой, т. е. свободы от всего внешнего, и реализация полной Христовой любви. А действительное осуществление свободы любви есть *полная* правда человеческой жизни.

3) В Церкви Христовой должна быть воплощена вся полнота истины. Поэтому всякое человеческое учение, всякое человеческое действие или переживание, в котором содержится хотя крупинка истины, в Церкви должны быть *превознесены*. В осуществлённом виде, в живой наличной деятельности в Церкви, всегда должно быть больше, чем даже то, что справедливо намечается в самых крайних *запросах* и требованиях (а не в осуществлённом виде) у различных направлений, партий и отдельных людей.

4) Поэтому, в частности, вся та правда, которая находится в представлении анархистов о государственном строе или в представлении социалистов об экономическом, должна быть реализована в Церкви¹⁴¹.

5) Всякая власть одного человека над другим, покоящаяся

ся на чём-либо внешнем (на богатстве, происхождении, традиции, внешнем авторитете и т. д.), с христианской точки зрения, является безусловно недолжной и недопустимой и потому в церковной жизни подлежит полному упразднению¹⁴². В христианских общинах должен быть осуществлён полный идеал безвластия¹⁴³. Отношения между членами общин должны определяться исключительно внутренними, глубочайшими, Богом заложенными, индивидуальными свойствами и теми дарами Духа Святого, который будет излит от Бога на верующих¹⁴⁴.

а) Этим самым внутри общин должны уничтожаться и все тёмные следствия государственной жизни. Должны уничтожаться суды и тюрьмы и какое-нибудь участие в войне. Продолжая жить в государстве, верующие будут исполнять *лишь* те требования, которые не противоречат их вере¹⁴⁵, и потому они должны навсегда и безусловно отказываться от несения воинской повинности.

б) Управление всеми делами общины должно основываться на принципе выборности. В выборах реализуется основная черта общинной жизни – общение. Священнослужители всех степеней – через выборы в свободном согласии всех членов общин – будут находить необходимую основу для своего пастырского служения.

б) Богослужение в христианских общинах должно определяться непосредственным вдохновением и свободным ре-

лигиозным творчеством¹⁴⁶.

а) Оно должно приблизиться к жизни, так чтобы жизнь верующих со всеми запросами, со всеми глубочайшими и задушевными стремлениями литургически в нём отражалась, находила бы в нём высшее освящение и оправдание. Богослужение должно проникнуться жизнью для того, чтобы *вся жизнь стала молитвою*.

б) Подлинное общение в молитвах должно повести к тому, что в церковных общинах должны ощутительно проявиться дары Духа Святого, дар чудес, дар пророчеств и живые новые откровения¹⁴⁷.

в) В этой атмосфере художественные силы верующих развернутся на полной свободе во всю свою ширь и жизнь верующих облечётся в новую, ещё невиданную миром красоту.

7) Находя своё высшее выражение в общении молитв¹⁴⁸, единство и единение верующих должно осуществляться и в полном общении имуществ. Всякая частная собственность у верующих должна быть превзойдена. Внутренне от неё освободившись, верующие должны жить в полном общении, владея всем сообща¹⁴⁹.

Для полного общения необходимо:

а) Чтобы земля, переставши быть чьей-нибудь, стала Господней и по возможности пользование ею было предоставлено всякому, кто пожелает вложить в неё личный труд или поработать на ней совместно с семьёй или с своими товари-

щами¹⁵⁰.

б) Чтобы все прочие орудия производства в виде фабрик и различных промышленных, ремесленных и торговых заведений находились в распоряжении всей общины.

в) Чтобы уничтожена была в среде верующих навсегда и совсем эксплуатация одними труда и рабочей силы других. Должно быть общение и в труде, труд – стать *общим* во исполнение слов апостола: «Кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2 Фес. 3, 10), *справедливым*, т. е. сообразоваться с природными задатками и наличными силами всех, на кого он будет возлагаться, и *религиозным*, т. е. для верующих труд должен быть не эмпирическим общественным занятием, а работой Господней, производимой с молитвой и религиозным одушевлением¹⁵¹.

г) Чтобы все результаты совместного и общего труда – все продукты производства – стали общими, т. е. распределялись любовно и справедливо¹⁵², «смотря по нужде каждого» (Деян. 2, 45). «Чтобы была равномерность» (2 Кор. 8, 13–14).

III. Часть специальная

A. Программа церковная

1) Установление выборного начала при замещении всех

должностных лиц в Церкви. Выборными должны быть: епископы, священники, диаконы и весь причт¹⁵³.

2) Выборы должны производиться всеми верующими. Всеобщность выборов требуется: а) *свободой*, ибо только при всеобщности выборов будут устранены все *внешние* влияния, при посредстве которых ответственные должности руководителей в Церкви занимаются совершенно неподходящими людьми¹⁵⁴; б) *любовью*, которая открывает, что самый последний прихожанин такой же член Церкви и такой же сын Божий, как и все остальные.

3) Епископы могут избираться только из священников. Священники же, диаконы и другие лица причта выбираются из *всех* верующих. Причём монахи всех степеней не имеют *никаких* преимуществ пред другими верующими. Они избираются на совершенно равных правах со *всеми* мирянами.

4) Относительно священников и диаконов выборное начало должно вступать в действие постепенно, выбывший за смертью или по другим причинам замещается уже не назначением, а выборами. Что же касается епископов, то все они теперь же должны быть удалены со своих мест на покой, во исполнение точных слов предписания апостольского: «Аще который епископ, мирских начальников употребив, чрез них получает епископскую в Церкви власть, да будет извержен и отлучен и все сообщающиеся с ним» (Прав. 30).

На освободившиеся кафедры епископов должны быть произведены соединёнными усилиями всего духовенства и

всех верующих епархии – новый епископ из священников или монахов, заявивших себя истинными служителями Христовыми, или даже прежний епископ, если он занимал должность с честью, может быть переизбран¹⁵⁵.

5) В соответствии с введением выборного начала должно быть совершенно реформировано дело духовного образования. Все существующие школы, от высших до низших, должны быть уничтожены или же превращены в светские – никакого *специального* отношения к подготовке пастырей не имеющие.

Для избранных же священников и диаконов должны быть открыты годовые курсы, приуроченные к специальной подготовке для пастырского служения.

6) Необходимо немедленное уничтожение духовной цензуры и предоставление полной свободы всякому желающему устно и письменно проповедовать и распространять свои религиозные взгляды.

7) Материальная сторона обеспечения духовенства переходит всецело в руки прихода. С государством должны быть порваны все связи, которые налагают какие-нибудь внешние обязательства и мешают внутренней свободе действия, и, таким образом, проведено *полное отделение Церкви от государства*. Это отделение выражается:

а) В отказе от какого бы то ни было покровительства государственной власти¹⁵⁶. Церковь должна потребовать, чтобы отменены были все карательные законы за так называемые

религиозные преступления.

б) В отказе от принятия Церковью присяги у отбывающих воинскую повинность, поступающих на высшую и государственную службу, а также отказ от принятия присяги в суде. Для верующих присяга излишня, ибо они и без того лгать не могут, а для неверующих она – кощунство.

в) В отделении Церкви от школы. Своё религиозное воспитание подрастающие поколения должны получать *в храме*¹⁷⁹, и воспитание это должно быть свободным, не связанным ни с каким принуждением.

8) Все монастырские имущества должны перейти в руки *всей* Церкви. При монастырях должно быть оставлено самое необходимое. Содержаться все монахи должны своим личным трудом. Эти имущества идут: а) на построение новых храмов во всех местах России, где это необходимо; б) на обеспечение приходской общинной жизни; в) оставшийся излишек – на народное образование и на дела общественной благотворительности. Кроме того, все дальнейшие пожертвования в монастыри должны отдаваться *всей Церкви*¹⁵⁷.

9) Для проведения всего этого в жизнь должен быть созван всероссийский Церковный собор как из представителей духовенства, так и из представителей мирян (с правом решающего голоса).

а) Все заседания Собора должны быть открытыми для всех желающих.

б) Подробный отчёт каждого заседания должен печатать-

ся в специальных, бесплатных изданиях, которые могут получаться каждым желающим на месте (т. е. в том городе, где Собор будет происходить) и во всех городах и деревнях России.

в) Серия заседаний по одному вопросу должна быть отделена от другой серии по другому вопросу некоторым промежуток времени, для того чтобы поднятые в прошлом заседании вопросы и постановления по ним могли быть обсуждены печатью.

г) Во всё продолжение совещаний каждым желающим может быть подано заявление или своё мнение по поводу обсуждаемых вопросов, для чего избираются из состава присутствующих на Соборе особые комиссии.

10) Созванию Собора должны предшествовать разнообразные подготовительные работы: а) организация на местах епархиальных съездов, при участии мирян, с правом решающего голоса; б) обсуждение всех вопросов, подлежащих рассмотрению Собора, в печати и т. д.¹⁵⁸

Б. Программа политическая

1) Стоя по отношению к верующим на точке безусловного идеала, долженствующего быть воплощённым теперь же немедленно, Братство по отношению к неверующим или иначе верующим будет предъявлять требования в виде программы-минимума.

2) Эта программа в узком смысле практическая, определяется взаимоотношением безусловных христианских норм с изменчивыми условиями данного момента и данного места, а потому и программа будет подвижной и будет принимать новые формы в зависимости от достигнутых результатов.

3) Её содержание будет определяться реальными нуждами и потребностями живущего *теперь* поколения, и потому Братство по отношению к находящимся вне Церкви будет всегда стоять на почве так называемой *реальной политики*. В данный момент эта программа такова:

4) Ввиду отсутствия в настоящее время правительства, сколько-нибудь гарантирующего выполнение назревших и неотложных нужд всей страны, Братство считает необходимым немедленный созыв *Учредительного собрания*, обладающего полнотой суверенной власти.

5) Выборы в Учредительное собрание должны производиться на основах всеобщего (без различия вероисповедания, национальности и пола) и равного избирательного права с прямой и закрытой подачей голосов. Пропорциональное представительство для обеспечения прав меньшинства.

6) В Учредительном собрании Братство считает нужным отстаивать *демократическую республику*. Со своей точки зрения, Братство мотивирует это религиозной необходимостью в корне уничтожить в народе языческое отношение к власти, к царю как помазаннику Божию¹⁵⁹. Такое отношение

Братство считает одним из основных грехов русского народа и одной из главных причин паралича Церкви.

7) В соответствии с основной реформой государственного строя необходимы¹⁶⁰:

а) амнистия всех без исключения пострадавших за политические и религиозные убеждения (аграрные волнения, беспорядки в войсках и т. д.);

б) немедленная отмена всех ограничительных узаконений и снятие военного положения со всех мест, где оно ещё сохранилось;

в) учреждение независимого гласного суда, равного для всех, с несменяемыми судьями, немедленная отмена смертной казни;

г) неприкосновенность личности, жилищ, почтовой корреспонденции, свобода совести, слова, печати, собраний, союзов, стачек, право петиции;

д) реформы местного и городского самоуправления на основах всеобщего избирательного права;

е) признание за отдельными нациями права на самоопределение;

ж) введение всеобщего бесплатного и обязательного народного образования.

В. Программа экономическая

1) Проповедуя и осуществляя среди верующих полное

уничтожение частной собственности и переход к общему и любовному владению землей и орудиями и продуктами производства, Братство, как и в области политической, по отношению к неверующим предъявляет экономическую программу-минимум, составленную по тем же соображениям.

Эта программа такова¹⁶¹:

а) реформа всей налоговой системы, в смысле развития прямых налогов на счёт косвенных, и установление прогрессивного подоходного и поимущественного обложения;

б) переход всех земель государственных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных и частновладельческих в собственность всего народа и в распоряжение демократически организованных сельских общин, территориальных союзов общин, на началах уравнительного пользования;

в) введение восьмичасового рабочего дня и широкое развитие фабричного законодательства; установление минимума заработной платы, государственное страхование – на началах самоуправления страхуемых. Законодательная охрана труда во всех отраслях производства. Гигиеническая обстановка труда. Выборность фабричных инспекторов. Профессиональная организация рабочих и участие профессиональных союзов в установлении внутреннего распорядка фабрик.

Открытое обращение верующего к Православной Церкви

Я не могу молчать¹⁶². Но пойти на улицу, на площадь, к верующим и любящим людям – это значит услышать их человеческое мнение, излить душу свою перед их человеческим сердцем, узнать их человеческий ответ. Мне нужно не то. Я жажду голоса Церкви, я исстрадался, не слыша его. И я, слабый в своём одиночестве, – ибо все мы без Церкви одиноки, – но, веруя и исповедуя невидимую Святую, Соборную и Апостольскую Церковь, – теперь решаюсь воззвать к её голосу¹⁶³.

Я знаю, что для многих смешно будет моё обращение. «Церкви нет», – скажут они. Для многих оно будет безумной дерзостью: «Кто он, чтобы спрашивать Церковь?» Но первым напомним слова Спасителя: «Созижду Церковь Мою, и врата адава не одолеют ей»¹⁶⁴. Я верю, что Церковь есть, я верю, что она пребывает, хотя невидимо для глаз; я верю, что сила Антихриста не победила и не победит её; я верю – грядёт час, и она, подобно жене, облечённой в солнце, откроет себя миру во всей своей славе, во всей своей силе, во всей своей красоте.

Вторым скажу так. Если вы веруете во Христа и Церковь для вас не мёртвый звук, а живое тело Его, если вы не на сло-

вах, а всем существом своим поняли, что весь смысл жизни в том, чтобы облечься во Христа и облечь в Него мир¹⁶⁵, чтобы каждое дыхание ваше свершалось во имя Его – «да будет Бог вся во всём», то вы должны понять человека, который долее не хочет сносить рабских цепей условности и компромиссов, не хочет долее прятаться под безбожную маску, называя её смирением, – и во имя Христово, вслух, всей Церкви хочет заявить о своих наболевших думах.

За одну декабрьскую неделю Москва пережила ужасы, каких она не переживала, может быть, за всю свою многовековую историю. Небо пылало багровым заревом; ревели пушки; город стонал от ружейной пальбы; снег пропитался человеческой кровью: в безумной жестокости люди расстреливали друг друга; убивали детей, стариков и женщин. Свершался великий грех. И в этом великом грехе самое страшное было не то, что делалось, а то, во имя чего делалось.

Один солдат на мольбу опомниться, не убивать людей, сказал: «Если велит начальство, отца родного убью: я принял присягу». Вот в этих словах весь ужас совершившихся событий: кровь лилась во исполнение клятвы Господу.

Моя христианская совесть не может примириться с этим. Клясться именем Христовым убить отца, если прикажет начальство, это больше, чем отречение от Христа, больше, чем терновый венец и распятие на кресте! Такого кощунства, такого издевательства над Спасителем не мог бы придумать и Иуда.

Я умоляю Церковь объяснить мне, спасти меня от этого кошмара, рассеять сомнения и, если я не прав, призвать меня к покаянию!.. Я знаю, что скажут мне официальные представители Церкви. «Всякая душа властем предержавшим да повинуется, несть бо власть, аще не от Бога». Бог велел слушаться начальства! Да, велел. Но разве апостолы, когда им запретили учить от имени Иисуса, не сказали этим властям от Бога: «Аще праведно есть пред Богом вас послушати, паче нежели Бога?» Разве почти все апостолы не погибли за непослушание властям? Значит, есть же границы этому послушанию! И не в том ли эти границы, чтобы заповеди Божии ставить выше требований человеческих и исполнять требования властей только до тех пор, пока они не идут вразрез с заветами Христа¹⁶⁶. Ибо всякий идущий против Христа – Антихрист. Так ужели христиане должны слушаться Антихриста? Это ложь. Это хула на Духа Святого. И я утверждаю: Бог не принимает клятвы в подтверждение готовности свершить злодеяние! Принявших такую клятву Церковь должна немедленно освободить от присяги и тем смыть всю ту кровь, которая пролилась именем Христовым на святой Животворящий Крест.

Но этого мало.

Официальные представители Церкви учат, что насилие недопустимо, что насилие преступно, с чьей бы стороны оно ни исходило, во имя каких бы целей оно ни совершалось. Обсуждая правду и ложь освободительного движения, они

определённо и резко осуждают тактику крайних партий. Они говорят: христианство не может благословить насилия, а тем более убийства. Но если так, если христианство не может оправдать убийства, с чьей бы стороны оно ни совершалось, то Церковь должна с такой же прямоотой и определённоотью, с какой она обращается к революционерам, сказать: безбожное дело совершают и солдаты, убивая борцов за свободу.

Почему в отношении крайних партий такая определённооть, такая прямоота, а в отношении властей предержажщих такое преступное молчанье?¹⁶⁷

Ведь крайние партии и не считают себя принадлежащими к Церкви. Предписания и требования Церкви не доходят до них. Но не больше ли обязанности у Церкви в отношении тех, кто составляет её стадо. Почему же Церковь отличает тех, кто открыто объявляет себя атеистом, и рабски безмолвствует в отношении своих чад, когда они делают то же самое? Если власти предержажщие и солдаты совершают то, что, по глубочайшему убеждению Церкви, христиане делать не должны, – не прямая ли обязанность прежде всего обратиться именно к ним, потому что они считают себя в лоне Церкви. Не говорите: бунтовщики начинают первые, а потому на них больше вины. Воины первые схватили Христа, Пётр только хотел защищаться, и Христос ему велел вложить в ножны меч.

Церковь должна властно и дерзновенно возвысить свой голос и призвать сынов своих к покаянию¹⁶⁸. Я считаю, что

Церковь обязана немедленно же наложить покаяние на генерал-губернатора Дубасова как одного из верующих, который был главным руководителем совершаемых злодейств, а равно на всех тех, проливавших кровь, кто именует себя христианами¹⁶⁹. Если же покаяние они отвергнут – отлучить от Церкви.

Но Церковь, тело Христово, не может ограничиться этим. Грех одного – несчастье всех. Возлагая покаяние на одного, нужно призвать к молитве всех. А потому на всю Православную Церковь должен быть наложен пост в знак глубокой печали о великих грехах, содеянных её членами, и в усиление молитв о ниспослании прощения и очищения.

У нас, при полном отсутствии приходской жизни, при совершенном бесправии мирян, при самом кошунственном попрании соборного начала Церкви, – я не знаю другого способа вслух обращаться к Церкви, кроме печатного слова. Пусть все, кто сочувствует моему «Обращению», перепечатают его в своих изданиях¹⁷⁰. Пусть все верующие, братья и сёстры мои во Христе, обсудят его между собой, и тогда я – не знаю, как именно, – но получу то, о чём прошу. Я верю, что если моё «Обращение» действительно дойдёт до Церкви, действительно дойдёт до собрания верующих, то я услышу и церковный голос. Аминь.

Речь на суде

Господа судьи и сословные представители! Ко мне предъявлено обвинение в том, что в статье «Открытое обращение верующего к Православной Церкви», напечатанной в № 8 «Полярной звезды», я призываю войска к неповиновению законной власти.

Я заявлял на предварительном следствии и повторяю здесь: виновным себя не признаю; войска к неповиновению не призывал; обращался к одной только Церкви.

Защитник г. Струве, разбирая вопрос с юридической стороны, бегло коснулся и тех психологических мотивов, которые руководили мной, когда я писал своё «Обращение». Но защитник меня совершенно не знает, и потому его психологический анализ вряд ли достаточно убедителен для вас.

Я хочу, чтобы о той душевной жизни, которая стоит за моей статьёй, вы услышали от меня самого. Для того чтобы вы могли действительно понять меня, я считаю нужным затронуть несколько общих вопросов. Особенно нужным, да же необходимым, я считаю это потому, что г. прокурор обнаружил прямо чудовищное непонимание религиозных идей. Г-н прокурор заявил, что, если бы я желал обратиться не к войскам, «а действительно к Церкви», я никогда не напечатал бы статьи в журнале с тиражом в 15 000, «где её может прочесть *всякий*, а написал бы письмо митрополиту, обер-

прокурору или в Св. Синод».

Г-н прокурор не имеет даже смутного представления о том, что такое *Церковь*: называть Церковью обер-прокурора – равносильно кощунству!

Я не знаю вас, г. судьи, так же как и вы не знаете меня, а потому вы должны понять мою боязнь, что весь состав суда впадёт в то же заблуждение, в которое впал г. прокурор. Между тем настоящее дело в конце концов сводится к вопросу: *что такое Церковь?*

Вопрос этот настолько сложен и глубок, что говорить о нём почти невозможно, особенно на суде, без привычки к этой тяжёлой атмосфере: но я не имею в виду вполне решать вопрос – мне необходимо передать лишь общее настроение.

Ввиду этого я прошу вас, г. председатель, не прерывать меня, если что-нибудь вам покажется не относящимся к вопросу: дослушайте до конца, и я уверен, что вы сами увидите, как необходимо всё, что я скажу, для выяснения существа настоящего дела.

Христианство имеет свой особенный взгляд на мировую историю как на богочеловеческий процесс. Совместными усилиями Бога и человека, путём жесточайшей борьбы со Злом, мир готовится к абсолютному воплощению Божественной Идеи. Прогресс мировой жизни заключается не в постепенном приближении к всеобщему земному благополучию, а в дифференциации, в абсолютном разделении Добра и Зла, разделении, которое завершится окончательной

борьбой Христа и Антихриста.

В этом мучительном богочеловеческом процессе борется и действует бесконечное множество разнообразных сил. Всё имеет свой разумный, великий смысл, своё особое назначение. Особое назначение имеют Церковь и государство.

Церковь – тело Христово, это центр Добра: всё положительное стремится к ней, всё она принимает в себя. Только святое, Любовью соединённое, апостольским служением проникнутое, может входить в эту Святую, Соборную, Апостольскую Церковь. Вне Христа, вне Церкви не может быть ни Истины, ни Добра, ни Красоты. Я знаю, это безгранично расширяет границы Церкви, но и безгранично суживает их. В них может не войти обер-прокурор и найдёт своё место творчество Бетховена. Мир в своей борьбе стремится к этому творческому источнику жизни – к Церкви. Мир – становящаяся Церковь!¹⁷¹

Невидимая для ослеплённых глаз, сияющая незримым божественным светом, она одна абсолютное начало жизни.

Вот к какой Церкви я обращался; вот какую Церковь умолял я спасти меня от тяжёлого кошмара. И вот почему я не послушался свящ. Аггеева и других, когда они уговаривали меня не печатать «Обращение к Церкви»¹⁷². Я сказал им – и готов повторить это здесь, ибо веры своей не постыжусь, – я сказал им: «Не знаю, как ответит мне Церковь эмпирически, – если настало время, огонь сойдёт с неба»!¹⁷³

Г-н прокурор усиленно добивался от свящ. К. М. Аггеева, не хотел ли я, чтобы «Обращение» распространилось возможно шире. Заявляю – пусть слышит г. прокурор: да, хотел! Хотел, чтобы узнал о нём весь мир, чтобы прочли его и все солдаты. Хотел потому, что верю – только путём совместной молитвы, личного подвига, братской помощи Церковь из невидимой может стать видимой, как в первые века.

Но из такого отношения к Церкви следует ли, что я не признаю государства? Нет, нисколько.

В среде нецерковной, языческой, государство имеет великое, культурное, истинно религиозное назначение. Признаю власть божественной, потому что в среде языческой она необходимая организующая сила, потому что в богочеловеческом процессе ей принадлежит положительная роль.

Потому и вас, гг. судьи, представителей языческой власти, считаю исполняющими святой религиозный долг здесь на суде. Я признаю за вами право, поскольку я не только член Церкви, но и гражданин государства, требовать от меня повиновения закону; равным образом как и за собой признаю право не повиноваться вашему закону, раз он идёт вразрез с законами Христа.

Теперь мы и пришли к окончательному вопросу: я, в данной статье, исполняя то, что мне приказывала религиозная совесть, нарушил ли интересы государства? Категорически отвечаю – нет. В данной статье, обращённой к Церкви, я не мог призывать войска *не повиноваться* присяге, так как умо-

лял Церковь *снять* присягу; может быть, в этом я и не прав, но уж это вопрос религиозный.

Я кончил. В заключение повторяю ещё раз: перед государственной властью виновным себя не признаю. А в вопросах религиозных данный суд считаю некомпетентным.³

³ Судебная палата вынесла В. П. Свенцицкому оправдательный приговор.

Что нужно крестьянину?

«Что нужно крестьянину?» – вот вопрос, который безотлагательно должен быть решён многомиллионным крестьянским населением России.

Ведь если в теперешнее тяжёлое, кровавое, почти безнадежное время всем живётся плохо, то, несомненно, хуже всего живётся крестьянину¹⁷⁴. Повсеместные недороды, малоземелье, непосильные подати и налоги, самоуправство сельских властей и, наконец, война, отнявшая сотни тысяч молодых работников, – всё это вконец обездолило и без того обездоленную крестьянскую жизнь. Жить дальше в прежнем положении не хватает никаких сил, нужно найти выход во что бы то ни стало. Но для того, чтобы найти выход, нужно прежде всего ясно и раз навсегда решить вопрос, что нужно крестьянину, к чему он должен стремиться? Половина всех наших несчастий происходит оттого, что мы не знаем, чего нам хотеть. Но человеку малограмотному, неучённому трудно самому решить, что ему нужно, и найти дорогу, по которой идти. Спросить же не у кого.

Вот в этой книжке мы и постараемся ответить на вопрос, что нужно крестьянину, чтобы жизнь его стала наконец хоть сколько-нибудь похожей на человеческую.

I

Прежде всего крестьянину нужен *приход*. Не такой приход, как сейчас, а такой, какой был установлен Иисусом Христом, апостолами и святыми отцами Церкви.

Для этого прежде всего должны быть выборные священники. Пусть прихожане выбирают, каждый в своём приходе, человека, которого бы любили, которому бы верили, и отсылают его в город к архиерею. Архиерей отдаёт его в училище, чтобы научить всему, что необходимо для пастыря, и обученного посылает назад к пастве, которая его выбрала.

Выбранный священник не чужой, пришлый человек: его все знают, и он всех знает. Его будут и любить, и уважать, и слушаться. К нему придут за советом, придут рассказать о своём горе и о своей радости. Выборные священнослужители – это не выдумка какая-нибудь, не ересь, а самая древняя правда, ибо так было ещё у апостолов. Вспомните, как выбраны были дьяконы. Апостолы не назначили их, не выбрали их по собственному усмотрению – нет. Они созвали собрание верующих и, объяснив им, почему явилась нужда в новой должности, сказали: «Итак, братия, выберите из среды себя семь человек». Собрание верующих согласилось, ибо, как говорится в Деяниях апостолов, «угодно было это предложение всему собранию», приступили к выборам, избрали семь человек и «поставили перед Апостолами, и сии, помо-

лившись, возложили на них руки»¹⁷⁵.

А вот что говорится в Соборном послании к церкви Александрийской:

«Если же кто из церковных священнослужителей умрёт, то на место умершего могут быть допускаемы и недавно присоединённые к Церкви, если только они окажутся достойными, и если *изберёт их народ*»...¹⁷⁶

Так было в Церкви древней. Выборные священники, таким образом, не новшество, а восстановление забытого, старого¹⁷⁷. Но насколько это старое лучше того, что есть сейчас! Много ли в сёлах теперь священников, которых любили бы крестьяне? Постоянная вражда, постоянная неприятность. Да и действительно, человек он чужой, послужит иной раз год-два, и, глядишь, переводят его на другое место. Что ему за дело до крестьянской жизни? И вот прихожане в церкви ещё только и молятся, а дома и друг с другом живут не по-Божьи. Нет любви, нет Христа в душе каждого. Но ведь молиться не только в храме нужно, вся жизнь молитвой должна быть, всё от Бога и всё для Бога должно делаться.

Будет выборный священник, и тогда любовь к нему всех объединит, всех в храм соберёт: кого любишь, с тем и молиться легко. И, уходя из храма, всякий унесёт с собой живой дух Христов, и хоть пойдёт своим делом заниматься, землю пахать или сено косить, но так у него на душе будет, как будто бы он всё ещё в храме, со всеми вместе, а все – со

Христом. Когда будут выборные священники, тогда только восстановится приход.

Но для того, чтобы узнать всё это, пережить, нужно читать слово Божие, а для того, чтобы читать слово Божие, нужно быть грамотным¹⁷⁸. Вот потому-то второе, что нужно крестьянину, это – *школа*¹⁷⁹.

II

Народные школы в России существуют очень недавно. До освобождения крестьян их, можно сказать, не было вовсе. Со времени освобождения крестьян прошло 44 года. За это время в России открыто около пятидесяти тысяч школ, но как недостаточно это число, видно из того, что и теперь на каждых сто человек жителей приходится лишь три учащихся. Больше всех для народного образования сделали земства: несмотря на все препятствия, они как только сил хватало увеличивали число земских школ. А препятствий было много. В Харькове, например, когда земство постановило израсходовать на школьное дело большую сумму – около двухсот тысяч, высшее начальство не позволило истратить столько денег на народное образование. В Курске земство решило выдать тридцать шесть тысяч рублей в виде безвозвратных пособий сельским обществам на устройство новых училищ. Высшее начальство опять запретило. То же происходило в Херсонской губернии и в других местах. Чего же удивительного после этого, что ни в одной стране нет столько безграмотных, сколько в России, а между тем много ли среди крестьян осталось таких, которые не понимали бы, как необходимо каждому человеку уметь читать и писать? Если до войны некоторые не понимали этого, то после войны поняли все. Теперь всякий, от мала до велика, просит «газетку» и знает,

что газетка годится не для одних «цигарок». Читать теперь все хотят, но где научиться? В иных местностях вовсе школ нет, а в иных все дети в школу не вмещаются.

Выход отсюда один: ввести, как это называют, обязательное обучение. Это значит, чтобы каждый русский подданный, по закону, обязательно, хочет не хочет, должен был бы пройти низшую школу и выучиться грамоте; тогда все дети – и девочки, и мальчики – будут уметь читать и писать. Теперь, конечно, такого закона ввести нельзя. Как можно требовать, чтобы дети в школу шли, когда школы никакой нет. Поэтому, чтоб издавать такой закон, нужно открыть и необходимое для этого число школ. Их потребуется очень много, и стоять они будут очень дорого. Если сейчас на народное образование тратится около 30 миллионов, то тогда придётся тратить вдвое больше. Может быть, другой даже так на это скажет: «Конечно, хорошо грамоту знать, хорошо самому слово Божие читать, чтоб учиться, как жить, но куда уж нам, полуголодным, школы строить, нам бы с голоду не умереть самим-то».

В таких словах много правды. «Не одним хлебом живёт человек», – сказано в слове Божиим (Втор. 8, 3), но всё-таки и хлеб, чтобы жить, нужен. Но недостаток у крестьянина весь в земле. Есть земля – хорошо, нет земли – голод. Отсюда понятно то третье, что нужно крестьянину, это – *земля*.

III

Земли не хватает не потому, что её мало, а потому, что несправедливо её разделили: одним дано так много, что девать некуда, а другим даже в урожайный год приходится голодать. Помещики владеют сотнями и тысячами десятин земли, а крестьяне в среднем имеют две-три десятины на душу. Такая несправедливость началась ещё с освобождения крестьян. Когда освобождали крестьян, то им решили дать столько земли, сколько каждый из них обрабатывал на себя ещё в крепостное время, но при этом сделали *отрезки*. Положим, крестьянин имел семь десятин, когда его отпустили на волю; ему надо бы было дать семь десятин, а ему давали шесть. Да и эти шесть десятин давали не даром, а на условии выкупных платежей. Таким образом, в 1861 году государственные крестьяне получили около *шести* десятин на душу, удельные крестьяне – около *четырёх* десятин, помещичьи – около *трёх* десятин. Со времени освобождения крестьян прошло 44 года. За это время население увеличилось на много миллионов, а земли крестьянам не прибавили нисколько. Тот же надел, который прежде кормил троих, теперь кормит пятерых. Но и троих-то он кормил еле-еле, а уж пятерых и вовсе не под силу. В северо-западных губерниях, например, прежде на душу приходилось пять десятин, теперь с небольшим две десятины, в юго-западных – прежде

около трёх, теперь одна.

Что же дальше будет? Людей становится всё больше, земли нет, на фабриках полно. Не то что школы строить, куска хлеба не на что купить. Выход отсюда один – аграрная (земельная) реформа. Как же нужно поступить с землёй? Чтобы поступить с землёй правильно, нужно помнить одно: земля, как воздух, как вода, никому принадлежать не может. Земля – Божий дар; не человек её создал, не человеку она принадлежит. Землёй можно только пользоваться, но нельзя владеть. Вдруг кто-нибудь сказал бы: «Не смей здесь дышать, этот воздух мой». Никто так сказать не может: воздух для всех – дыши сколько тебе нужно и другим не мешай. Точно так же и земля. На землю имеет право только тот, кто её обрабатывает. Её нельзя ни покупать, ни называть своей. Пусть каждый, сколько может, обрабатывает, а лишнего не берёт. Тогда всем хватит земли, и никакого голода, никаких неурожаяев не будет. Только тот, кто сам трудится, имеет право на то, что даст земля. Если *только* своё возьмёшь – многого не захватишь, но зато и голодать не будешь. Так и должно быть по-Божьи; только безбожники могут захватывать в свои руки землю, которую Бог создал для всех, чтобы каждый «в поте лица своего добывал хлеб свой»¹⁸⁰. Вот если все это будут помнить, тогда землю разделят правильно. Тогда её передадут *в руки общине, для наделения всех землёю на началах уравнительного землепользования*. Это вот что значит: община, мир получит в своё распоряжение, а не во владе-

ние, нужное количество земли для того, чтобы распределить каждому по его нужде. В общине все друг друга знают, а потому никого не обидят и никому не дадут лишнего. И тогда не для наживы, не для денег будут обрабатывать землю, а во славу Божию, ибо воистину «трудящийся достоин пропитания» (Мф. 10, 10).

Теперь вот в чём вопрос. Ну, хорошо, поняли вы, что школы вам нужны, поняли, что земля Божия и люди не по-Божьи её между собой разделили, – кому же вам сказать об этом, кому сказать, как нехорошо, что школ нет, и сколько греха в том, что землю захватили в собственность; ведь без высшей власти нельзя закон издать, чтобы всех детей учить, а землю отдать общинам. Так вот для того, чтобы сказать обо всём этом, необходимо *народное представительство*. Это – четвёртое, что нужно крестьянину.

IV

По апостольским правилам, всякий епископ должен признавать первое лицо в государстве «яко главу», будь это царь или выборный правитель (президент) – всё равно, «но и первый ничего да не творит без рассуждения всех», сказано в апостольских правилах¹⁸¹. Таким образом, апостолы требуют, чтобы и цари, и выборные правители ничего «без рассуждения всех не делали», то есть делали бы всё сообща с народом. Но как может один человек, царь или правитель, советоваться сразу с несколькими миллионами? Для этого все подданные должны избрать, каждый в своём округе, надёжных доверенных людей, которые, собравшись совместно с первым лицом в государстве, управляли бы страной. Это и есть народное представительство, самими апостолами освящённое.

Выборные люди передадут все нужды, все желания тех, кто их выбрал, и то, что они скажут, будет голосом не их, а всего народа, ибо они избраны всем народом. Для того чтобы правители по-Божески управляли не сообща с некоторыми, а сообща со всеми, нужно, чтобы в выборах участвовали все. Это значит – выборы должны быть *всеобщими*.

В некоторых государствах, когда выбирают кого-нибудь, то голос имеющих больше денег или земли считается не за один голос, а за два или за три. Так не должно быть. Всякий

может иметь лишь один голос – только тогда и богатые, и бедные, и все подданные будут равны и голос представителей будет выражать волю народа. Такие выборы, когда каждый имеет только один голос, называются *равными*.

Выборный человек должен быть всем известен, каждый должен знать, кому он доверяет издавать новые законы, поэтому выборы должны быть *прямые*. Это значит – каждый округ должен избирать человека, который *прямо* становится бы представителем тех, кто его выбрал. Бывают выборы и не прямые. Каждый округ выбирает из своей среды выборщика; эти выборщики собираются вместе и выбирают из своей среды представителя. Но тогда в представители могут попасть люди, известные выборщикам, но неизвестные всем округам.

При выборах необходимо ещё одно: необходимо, чтобы каждый выбирал того, кого он хочет, не боясь угроз и насилия. Положим, какой-нибудь фабрикант захочет, чтоб его выбрали; рабочих на фабрике много, вот он и скажет: выберите меня, а тех, кто против меня подаст голос, по миру пу-щу. Иной испугается, что хозяин прогонит, и подаст за него голос. Для того, чтоб этого не было, нужно подачу голосов устроить так, чтобы нельзя было узнать, кто за кого подаёт. Такие выборы называются *тайными или закрытыми*.

Итак, четвертое и последнее, что нужно крестьянину, это – народное представительство, при *всеобщей, равной, прямой и тайной* подаче голосов.

Приход, школа, земля, народное представительство – вот то, что может спасти крестьянскую жизнь. Приход невозможен без школы; школа невозможна без земли. Ни приход, ни школа, ни земля невозможны без народного представительства. Отсюда ясно, что народное представительство необходимо не для забавы какой-нибудь, а для истинно-церковной жизни. Добиваться народного представительства – дело не преступное, а святое. Христову работу совершает тот, кто стремится достигнуть народного представительства. До сих пор этого добивались только люди учёные, так называемая интеллигенция; народ чувствовал, что жить ему тяжело, но не знал, как помочь горю, и стоял в стороне, а иногда избивал тех, кто добивался реформ для народа, называя их изменниками, крамольниками и т. д. Но теперь пора понять, что все, кто добивался реформ, совершал работу Христову, пора понять, что интеллигенция хочет одного – спасти народ; пора понять это крестьянину и во имя Христова пойти к той же цели, к которой так долго и так самоотверженно шла интеллигенция.

Правда о земле

Посвящаю покойному Сергею Николаевичу Трубецкому в знак искренней любви и глубокой благодарности¹⁸²

В настоящее время в России все жалуются, что жить плохо.

Жалуются рабочие на то, что их заставляют работать четырнадцать часов в сутки, а платят гроши, которых не хватает на мало-мальски человеческую жизнь. Жалуются фабриканты, что рабочие забастовками доводят их до разорения. Жалуются крестьяне, что не хватает земли и хлеба, что приходится умирать от голода и холода. Жалуются помещики, что крестьяне разоряют их имения, отбирают и жгут хлеб. Жалуется «интеллигенция», что полиция и казаки учиняют неслыханные зверства. Жалуется полиция, что житья нет от «крамолы».

Все жалуются, всем жить плохо! А что же делают *христиане*?

Христиане ходят по церквам, усердно молятся Богу и вздыхают: «Ах, батюшки, согрешили, Господь наказывает». Помолившись в церкви, приходят домой и... живут как ни в чём не бывало. И никто не задаёт себе вопроса: да в чём же мы согрешили, что Господь так жестоко нас наказывает?

Как бы узнать свой грех, покаяться бы в нём и зажить по-новому? Нет. Вздыхают: грешны, мол, а в чём грешны, как исправиться – об этом не думают. А об этом прежде всего и следовало бы думать!

Ведь каждый день миллионы людей читают молитву: «... да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя»¹⁸³

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.